

МАКС ветры, ангелы и люди ФРАЙ

Макс Фрай

Ветры, ангелы и люди

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6689025
Фрай, Макс Ветры, ангелы и люди : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083950-6*

Аннотация

Макс Фрай берет вас в путешествие по странным, загадочным и таким, казалось бы, привычным местам. Прочтите, мир станет другим. И этот другой мир больше вас непустит...

Содержание

Хорошая жизнь	4
Из лоскутков, из тряпочек	6
Innuendo	41
Неполный[1] перечень безымянных[2] существ	69
Ничего не говори	75
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Макс Фрай

Ветры, ангелы и люди

Хорошая жизнь

Быть василиском-сиротой, с младенчества лишенным присутствия старших, а значит, знаний о себе и об окружающем мире, которые они могли бы передать. Жить в подземелье, есть драгоценные камни, не знать о себе ничего – ни о птичьей голове, ни о змеином хвосте, ни о прекрасных жабьих глазах, ни о способности убивать взглядом, ни о смертельной опасности, которую сулит петушиный крик. Думать, что тьма пещеры – это и есть весь мир, а огненный хохолок на твоей макушке – единственное светило. Быть вполне довольным таким мироустройством – все на месте, ничего лишнего.

Да и сравнивать не с чем.

Быть василиском, жить в подземелье, есть драгоценные камни, не знать о себе ничего до тех пор, пока твой покой не нарушит хитроумный каторжник-смертник, вызвавшийся сражаться с тобой ради обладания камнями и металлами, чью ценность хорошо понимают люди, о существовании которых тебе, впрочем, не было известно до этого дня, и даже

воображение никогда не порождало подобных химер – какой в них прок?

Быть василиском, жить в подземелье, не знать о себе ничего, впервые в жизни услышать шум, впервые в жизни растеряться. Пойти поглядеть – что там происходит?

Увидеть ослепительный блеск серебряной амальгамы, а потом – внимательно глядящие из темной глубины зеркала сияющие жабы глаза. Заглянуть в них, узнать себя, прозреть – навсегда. Рассмеяться – тоже впервые в жизни, тоже навсегда. Стать смехом, золотым светом, движением и любовью. Стать всем.

Быть василиском, жить в подземелье, не зная, что это – небытие. Встретиться с собственным взглядом и умереть, зная, что это и есть рождение.

Такая хорошая жизнь.

Из лоскутков, из тряпочек

Шел, потому что если упасть лицом в снег, ничего не изменится, только станет мокро и холодно, еще холодней, чем так.

Не останавливался, потому что понимал: если вот прямо сейчас я настолько раздавлен и безутешен, каково мне придется, когда вместо того чтобы внимательно смотреть под ноги, загляну в свою темноту, где воет и мечется жалкое перепуганное существо, которому недолго осталось, которое скоро уйдет насовсем, заберет меня вместе с собой, потому что оно – это я.

Не оглядывался по сторонам, потому что невыносимо видеть разрумянившихся от мороза, предвкушающих скорое Рождество, веселых, здоровых, а значит, почти бессмертных туристов и жителей города Хельсинки, куда приехал, сказав Машке: «просто открыть визу», – а на самом деле, конечно, чтобы отвлечься, не думать, не кидаться на стены в ожидании приговора. И действительно вполне прекрасно провел здесь целых два дня. И еще примерно треть третьего, пока приговор не был оглашен из телефонной трубки, как и договаривались, после обеда, во вторник двадцатого декабря.

Никогда прежде не молился, в храмы заходил изредка, из любопытства, как экскурсант, поэтому полагал, что сейчас

не стоит и начинать: если Бога нет, все равно не поможет, а если все-таки есть, не хотелось бы напоследок выглядеть в его глазах трусливой, истеричной и, к тому же, недалеко-видной свиньей, которая поднимает визг только на пороге бойни — где ты, дура, раньше была? Язык бы не повернулся взмолиться об исцелении, да и глупо просить того, в кого не веришь, о невозможном. И только для себя одного.

Все это не то чтобы всерьез обдумывал, но как-то без дополнительных размышлений понимал, даже когда услышал собственный шепот из той темноты, куда не был пока готов заглянуть целиком: «Кто-нибудь всемогущий, если Ты где-нибудь есть, сделай со мной хоть что-нибудь вот прямо сейчас».

В другой ситуации порадовался бы блестящей формулировке — идеально честная молитва агностика, не придерешься. Но сейчас было не до того. Усилием воли заставил себя заткнуться. Пошел дальше, зачем-то свернул, перешел дорогу, чуть не угодив под трамвай, или только показалось, будто опасность была близка, а на самом деле чертов зеленый трамвай спокойно стоял на своей остановке, хрен разберешь, когда двигаешься как во сне сквозь синие городские сумерки, праздничные огни и густой мокрый снег, тающий на щеках и стекающий за воротник вместо слез, которыми горю, будем честны, не поможешь.

Потом снова куда-то свернул. И тут же сложился практически пополам, потому что ветер теперь задул прямо в лицо

и оказался не просто холодным, а ледяным. Поутру в прогнозе погоды жителям Хельсинки обещали южный ветер во второй половине дня, и как же жаль, что веселого человека, способного посмеяться над подобным несоответствием названия и сути, больше нет, остался только термос, в который его налили при рождении, раньше времени вышедший из строя дурацкий сосуд, ржавый, дырявый, больше не способный держать тепло, уже почти пустой, содержимое льется на тротуар – вот прямо сейчас.

Ладно, с другой стороны, чем хуже, тем лучше. Этот невыносимый ветер в лицо – дополнительная возможность еще какое-то время не думать о смерти, как киношная сигарета перед казнью, милосердная отсрочка на целых пять минут, или сколько я смогу так идти. И на том спасибо, могло бы не быть даже ледяного южного ветра, мало ли что обещали синоптики, они у нас нынче почти как Бог, никто в них не верит, и я тоже.

И я.

Почти ослеп от горя, ветра и мокрого снега, но шел не останавливаясь, даже шагу прибавил, насколько это было возможно, снова перешел дорогу, ведомый зеленой звездой светофора, и как-то внезапно чуть не угодил в котел. То есть натурально налетел бы на раскаленный котел, булькающий и дымящийся, если бы его не подхватили чьи-то милосердные руки в количестве примерно полудюжины штук, и тогда, ко-

нечно, пришлось все-таки остановиться и оглядеться по сторонам. Ничего не поделаешь.

В первую секунду почти всерьез подумал, что попал в ад. И как-то даже, надо сказать, обрадовался. Потому что – ну все-таки жизнь после смерти. Не полное небытие. И самое главное, я уже тут. Без больниц, без мучений, без всей этой тошнотворной агонии – раз, и в аду! Невероятная удача. Наверное, меня все-таки сбил тот зеленый трамвай? Ни черта не помню; впрочем, оно и к лучшему.

А потом проморгался и понял, что пришел не в ад, а просто на ярмарку. И даже узнал место – это же Эспланада! Ярмарка тут вообще круглый год, не только на Рождество, просто сейчас стало гораздо больше – товаров, людей, фонарей, костров и котлов с едой, всего.

Потом осознал, что его уже довольно давно о чем-то спрашивают – те самые добрые люди, которые не дали рухнуть в адский котел. Сперва говорили по-фински, но быстро перешли на английский. Заставил себя вслушаться. Ничего особенного: «Что с вами случилось?» – и прочие вежливо-встревоженные реплики в таком роде. Надо бы ответить: «Спасибо, все в порядке», – и быстро, быстро бежать отсюда, куда угодно, лишь бы не оставаться здесь. Рождественская ярмарка не самое подходящее место для человека, готового рыдать от разочарования, узнав, что она – не ад.

Но из задуманной речи получилось только: «Спасибо», – да и то так тихо, что сам себя не услышал. А потом меш-

ком осел на утоптаный снег — не обморок, просто ослаб, настолько, что даже в пылающей голове не осталось мыслей, кроме одной, зато очень здравой: «Какой тебе ад, дурак. Сначала надо отдать Кашу Лёвке. Машка ее совсем не любит, терпит из-за меня, и это взаимно. Нельзя их вдвоем оставлять. А Лёвка в Каше души...» Додумывать фразу до конца: «...не чаёт», — не стал. И так понятно. К тому же, под нос ему сунули дымящуюся керамическую кружку, такую горячую, что обжегся первым же глотком. Но напиток оказался настолько вкусным и словно бы изначально, чуть ли не с младенчества желанным, что не смог оторваться, пил, закусывая снегом, кажется, прямо с земли. Или все-таки с ближайшего прилавка? Сам не понял, откуда его зачерпнул.

Кажется, это называется «глёги». В Швеции «глёг», а тут вроде бы так.

Пока вспоминал название напитка и бормотал «спасибо, спасибо» на всех мыслимых языках, кроме почему-то повсеместно употребляемого английского, его подхватили под мышки и куда-то поволокли. Как оказалось, просто помогли убраться с дороги. Усадили на какой-то мешок, прислонили спиной к столбу. Кто-то произнес слово «врач», и это вернуло если не силы, то разум. Оскалился, пытаюсь изобразить подобие благодарной улыбки. И английский сразу вспомнил как миленький. По крайней мере «окей» и даже «ай эм файн». И потом уже щебетал не умолкая, словно бы мно-

гократно повторенное «окей» было общеизвестным и действенным заговором, предотвращающим появление «скорой помощи».

Ну во всяком случае, на этот раз заговор помог, доброжелательные спасители удовлетворенно закивали и разошлись прежде, чем успел спросить, кому заплатить за глѣги. Или хотя бы вернуть опустошенную кружку – кому?

В поисках ответа на этот вопрос огляделся по сторонам. Прилавка с напитками поблизости не обнаружил. Зато увидел Ее.

Именно так, «Ее» с большой буквы. Потому что это, безусловно, была женщина его мечты. Вернее, мечты того любителя необычайных зрелищ, которым он был до телефонного звонка из клиники.

Во-первых, она была великаншей. То есть даже сейчас, сидя за прилавком на ящике, для тепла укутанном одеялами, казалась чуть выше среднего человеческого роста, и заранее страшно подумать, что будет, если встанет на ноги. Навес головой точно снесет.

Во-вторых, предполагаемый возраст ее лежал в диапазоне от, скажем, пятидесяти до примерно трехсот. Впечатление резко менялось от ракурса и освещения. Вот повернулась, придвинувшись к фонарю, подвешенному над головой, и перед нами совсем еще не старая блондинка, румяная от мороза и ветра, скуластая и сероглазая, каких здесь много. Вот наклонила голову к пылающим на прилавке свечам, и сразу

ясно, что волосы у нее не белокурые, а седые, и морщины кажутся слишком глубокими для обычного срока человеческой жизни, и глаза уже не просто светлые, а выцветшие от времени, прозрачные, как вода, приглядишься получше и увидишь, что лежит на их дне. Если, конечно, там вообще хоть что-то еще лежит.

В-третьих, и гигантский рост, и переменчивое лицо женщины меркли в сравнении с ее нарядом. Уж насколько щедра на сюрпризы местная уличная мода, а ничего подобного до сих пор не видел. И дело вовсе не в меховых сапогах, украшенных разноцветными лентами, пуговицами и брошками. И не в широченной юбке, явно сшитой из кусков старых пледов и одеял. И даже не в ярко-зеленой шубке из искусственного меха, надетой поверх розового пуховика. Штука в том, что кроме всей этой красоты был еще один слой, что-то вроде мантии с капюшоном, или плащ-палатки, в общем, просторный балахон, целиком сшитый – составленный, сложенный, сконструированный, даже непонятно, каким словом назвать процесс его изготовления – из тряпичных игрушек, кукол, птиц и зверьков. Это наглядное пособие для желающих осторожно, соблюдая технику безопасности, заглянуть в глаза хаосу было небрежно накинуто на плечи великанши и укрывало от холода не только ее, но и довольно большой участок земли вокруг.

Примерно такие же тряпичные игрушки грудями лежали на прилавке, защищенные от непогоды не только навесом, но

и прозрачной пленкой. В руках женщины тоже была игрушка, рыбка, сшитая из пестрых лоскутов. Вернее, рыбка была в одной руке, а в другой иголка с ниткой. Мастерница пришивала игрушке оранжевый пуговичный глаз. Но отвлеклась от работы, чтобы внимательно рассмотреть нового соседа.

Поглядела, озабоченно нахмурилась. Заговорила по-фински. Увидев, что он ничего не понимает, удрученно покачала головой и принялась оглядываться по сторонам, вероятно, в поисках переводчика. Но подходящей кандидатуры не нашла. Попробовала справиться сама. Несколько раз повторила по-английски: «нот окей», делая упор на «нот». Вдруг провела ребром ладони по горлу и уставилась на него с такой яростью, словно и правда собиралась зарезать – вот прямо сейчас, посреди ликующей ярмарки, в присутствии сотен свидетелей.

Подумал, она сердится, что расселся под ее навесом, велит уходить. Сам бы, честно говоря, рад, да вот ноги все еще как ватные, и поди ей это без языка растолкуй. Но великанша вдруг ласково заулыбалась, погладила по голове и снова заговорила по-фински. Слезла с ящика, опустилась рядом на корточки. Похлопала ладонью по земле, потом стукнула по ней кулаком, и этот жест оказался неожиданно понятным: «сиди тут, как прибитый». Сбросила на землю свою невозможную сложносочиненную мантию, вылезла из-под навеса и тут же растворилась в синей, огненной, снежной ярмарочной мгле. Действительно, огромная, явно выше двух метров.

И комплекции соответствующей, как говорится, «крепкого сложения». Подумал: «Господи, натурально же троллиха, по идее в этих краях они как раз должны водиться». А потом закрыл глаза и не думал ни о чем.

Даже не надеялся на такую передышку.

Великанша вернулась довольно быстро. И не одна. Привела с собой румяную от мороза синеглазую толстуху в радужном войлочном кафтане, больше похожем на короб, малиновой плиссированной юбке поверх серых вельветовых штанов и вызывающе разных валенках – желтом и голубом. Из-под вязаной шапочки в форме мышиной головы с ушками выбивались морковно-рыжие кудри. Хельсинская уличная мода, благослови ее, Боже. Тут сойдешь с ума и не заметишь.

Отличный, кстати, вариант. Даже лучше ада.

– Меня зовут Анна, – сказала рыжая на чистом русском языке. – Туули попросила меня перевести.

Сказал зачем-то:

– Боже, как же вы правильно говорите! Вообще без акцента.

– Это неудивительно, – усмехнулась Анна. – Я из Петрозаводска. А как вас зовут? Это не я любопытствую, это первый вопрос Туули. Ей, если честно, лучше отвечать, когда спрашивает. Она... Она у нас такая.

Сказал:

– Юрий.

И поразился тому, какой фальшивой нотой прозвучало его вроде бы настоящее, не выдуманное, в паспорте записанное имя. Как будто соврал.

Великанша, присевшая рядом на корточки и внимательно взглядывавшаяся в его лицо, помотала головой и что-то сказала по-фински. Рыжая перевала:

– Туули спрашивает, как вас называют дома? И как называли в детстве? Должны быть еще какие-то имена.

Зачем-то послушался, стал перечислять:

– Юрка, Юрочка, Юрчик, Мурчик. Длинный – так в школе дразнили, теперь трудно поверить, но когда-то был выше всех в классе, а потом остановился и остался среднего... да, это уже не важно. А, еще Жесть – тоже школьное прозвище, производная от фамилии. А бабушка, папина мама, почему-то называла Жорка, хотя...

– Сорка! – твердо сказала великанша Туули. И повторила: – Сорка.

Смешно как выговаривает. Как маленькая. Однако именно в ее исполнении детское имя, которым его уже много лет никто не звал, почему-то село как влитое. Было бы ботинком, купил бы, не раздумывая.

– Сорка! – Туули дернула его за рукав, привлекая внимание. И затараторила по-фински.

Рыжая Анна слушала ее, приоткрыв рот – не то от удивления, не то просто от усердия, стараясь запомнить. Наконец перевела.

– Туули говорит, что за тобой – учтите, это она с вами так внезапно на ты перешла, а не я – охотится смерть. Я понимаю, что для вас это звучит довольно странно, но Туули – она такая...

Перебил:

– Не надо объяснять. Она угадала. Все правда. Охотится. Смерть. То есть, даже не охотится, а уже поймала. Прижала лапой, как кошка птичку. Думает теперь, как дальше будем играть.

Удивился тому, как легко выговорилось слово «смерть». Легче, чем собственные прозвища и имена. Теперь бы еще умереть так же легко, как выговорилось. Но на это шансы, прямо скажем, невелики.

Великанша меж тем продолжала что-то увлеченно рассказывать, легонько похлопывая его то по плечу, то по колену – может, демонстрировала дружеские намерения, или просто не давала отвлечься и задуматься о своем.

– Туули говорит, что может сшить куклу – вместо тебя. В смысле, куклу, которую смерть согласится взять вместо тебя... вместо вас.

– Что?! Какую куклу? Как – сшить?!

– Ну как, – невозмутимо ответила Анна. – Как обычно шьют кукол. Из лоскутков, из тряпочек...

– Ис лоскутёп, ис тряпосек, – повторила за ней великанша. И вдруг рассмеялась звонко, неудержимо, как ребенок, принялась твердить на все лады: – Ис лоскутёп, ис тряпо-

сек! Ис лоскутёп, ис тряпосек!

И стала теребить рыжую, требуя, видимо, перевести так насмешившие ее слова. Та сказала. Великанша достала откуда-то из-под одежды блокнот, карандаш и принялась записывать.

– Говорит, ей пригодится русских покупателей веселить, – объяснила Анна.

И так бывает. Думаешь, дурдом на выезде, а на самом деле создание новой эффективной рекламной кампании происходит вот прямо у тебя на глазах.

Великанша тем временем дописала, спрятала блокнот, снова стала серьезной и заговорила.

– Туули предлагает так, – принялась переводить рыжая. – Она сделает очень хорошую куклу. Но ты сам должен отдать куклу смерти. И искать свою смерть тоже будешь сам, Туули с тобой не пойдет. Но подскажет, с чего начать поиски. Идет?

«Да идите вы на хрен, дуры психованные», – вот что ответил бы на этот бред еще совсем недавно. И ушел бы прочь, стараясь как можно скорей выкинуть из головы идиотский эпизод, слишком нелепый, чтобы пересказывать его потом другим, как забавное недоразумение, слишком неприятный, чтобы вспоминать самому.

А теперь сказал:

– Я сейчас вообще на все согласен, лишь бы хоть на пять минут поверить, что не умру. В смысле, что умру не прямо сейчас, не в ближайшие месяцы, а когда-нибудь потом, очень

нескоро, как все нормальные люди.

Удивительно, каким покладистым становится человек после оглашения смертного приговора. И вокруг него сразу никаких психованных дур, а сплошные добрые феи с высшим шаманским образованием. В любую чушь готов поверить и еще быть благодарным, что не пришлось сочинять ее самостоятельно.

Великанша хлопнула его по колену и сказала:

– Хювя!

Ну или что-то в таком роде. По интонации понял, что это одобрение. Потом вступила переводчица Анна:

– Туули говорит, хорошо. Вы посидите тут, пока она будет шить куклу. Это не очень долго, часа два... Правда, вы успеете совсем замерзнуть, это не дело. Надо ей сказать.

Великанша послушала, покивала, подняла с земли свой немислимый, сшитый из тряпичных игрушек плащ и накинула ему на плечи. Подоткнула со всех сторон, пискнуть не успел, а уже был укутан, как младенец. Так хорошо, что поздно сопротивляться.

– Я пока пойду, – сказала рыжая. – У меня тут своя торговля, а муж один плохо справляется, там уже, наверное, такая очередь собралась! Потом вернусь, когда надо будет еще переводить. Может, вам поесть принести? Я куплю, мне совсем не трудно.

Покачал головой:

– Еды не надо. А вот если сможете купить мне кружку глёга...

– Глёги, – кивнула Анна. – Конечно! Сейчас принесу. Нет-нет, не нужно денег. Вы сейчас под нашим с Туули присмотром, как младенец, которого мать ненадолго у нас оставила... Не знаю, как вам объяснить. Но с младенцев денег не берут, это всем ясно.

И убежала, не слушая возражений, а минуту спустя вернулась с пластиковым стаканом. Не стала давать в руки, поставила рядом на землю. Сказала:

– Осторожно, очень горячий. Я-то в перчатках, а вы-то нет!

Вышла из-под навеса и исчезла, словно не было никакой переводчицы Анны, рыжей, толстой, в радужном войлочном коробе-кафтани и разноцветных валенках. Приснилась, примерещилась. Просто такой уж сегодня ветер, такой тут снег, такие яркие ярмарочные огни и столько людей – немыслимо! Вот ведь психи, нет чтобы сидеть по домам в такую погоду. Сам бы сидел, если бы не вся эта дурацкая затея с поездкой в Хельсинки, неудавшимся побегом от смерти, которая, если что, и по телефону позвонить не постесняется. В заранее назначенное время, голосом Санвикентича, Лёвкиного соседа по даче, врача – можно я не буду уточнять его специализацию? Хотя бы сейчас, наедине с собой промолчу.

Взял стаканчик с глёги – надо же, до сих пор горячий. Выпил залпом почти половину и чуть не поперхнулся – очень

уж крепкий! Явно разбавленный ромом как минимум пополам. Честно говоря, именно то что надо.

Великанша Туули обернулась, одобрительно пробормотала «хювя» и снова вернулась к работе Вспомнил: она же вот прямо сейчас шьет куклу, которую я смогу обменять на смерть... тьфу ты, обменять смерти на свою шкуру, всучить вместо себя – Господи, как же чудесно это звучит! И можно верить этому дурацкому обещанию очень долго, целых два часа или около того, пока удивительная огромная старуха, персонаж какой-то неизвестной, не прочитанной в детстве народной сказки мастерит мне новую жизнь – «ис лоскутёп, ис тряпосек», из всего, что есть под рукой.

Допил глёги, закрыл глаза. И то ли задремал, то ли просто расслабился так, что шевельнуться не мог. Сквозь сон слышал, как Туули переговаривается с покупателями по-фински, иногда называет цены на ломаном английском, шуршит бумагой, пакуя товар. Слышал, как она думает, обращаясь к нему: «Не беспокойся, я о тебе не забыла, шью твою куклу, такую работу можно прерывать, и молчать, пока шьешь, не обязательно, это совсем простое ярмарочное колдовство». И сам думал в ответ: «А я и не беспокоюсь».

Проснулся как-то очень внезапно, буквально за миг до того, как вернулась рыжая Анна. Или все-таки именно она и разбудила, дернув за рукав: «Пора! Пора!»

Что пора, куда пора? Ах ну да, заснул же прямо на ярмар-

ке. Сидя на земле, вернее, на мешке, но все равно. Укутанный в абсурдную накидку из кукол, зайцев, ежей и медвежат. «Ис лоскутёп, ис тряпосек», черт бы их побрал. Конечно, пора! Вылезать из-под этого дикого, но такого теплого покрывала, подниматься и уходить.

– Сорка! – сказала старуха великанша, хлопнув его по колену. Потом положила огромную руку на плечо толстухи: – Анна!

И, убедившись, что привлекла внимание обоих, заговорила.

Рыжая переводила. Голос ее звучал спокойно и отстраненно, но глаза были полны тревоги. Как будто боялась, что он в любой момент может ее стукнуть, чтобы прекратила молоть ерунду.

Зря боялась, конечно. С человеком, приговоренным к смерти, очень легко договориться, если пообещаешь ему хоть какой-то намек на жизнь.

– Теперь тебе надо уйти с ярмарки, – говорила Анна. – Пойти – но не домой, в смысле, не в гостиницу, а гулять. То есть, не просто гулять, а искать свою смерть. Она сейчас где-то здесь, в городе, совсем рядом. Ты у нее новая игрушка, ей интересно быть поблизости. Следить за тобой, наблюдать. Развлекаться. Не у всех людей смерть так себя ведет, но твоя – именно так. Такой уж у нее характер. Похож на твой. Ту-ули говорит, характер всегда похож, поэтому свою смерть с чужой никогда не перепутаешь.

Подумал: «Если это правда, мне крышка. Всю жизнь думал, что у меня отличный характер. Я действительно люблю развлекаться. Со мной интересно, со мной весело, сколько раз это слышал, да и сам знаю. Но черт, если бы меня заранее предупредили, что такой же характер будет у моей смерти, постарался бы воспитать в себе совсем другие качества. Стал бы флегматичным и милосердным... нет, еще лучше придумал – невыносимым прокрастинатором, вечно откладывающим неотложные дела на самый последний момент, до тех пор, пока не станет ясно, что браться за них уже поздно, и можно просто лечь спать. Карьера, безусловно, накрылась бы медным тазом – и черт с ней. Зато жить можно было бы бесконечно долго. И с возрастом поправить дела, получив наследство от бездетных правнуков...

– Сорка, – строго сказала старуха. – Сорка!

Это явно означало: «Не отвлекайся».

– Туули точно не знает, где именно надо искать твою смерть. Но может попробовать подсказать. Она спрашивает, был ли ты сегодня в опасности. Не обязательно в большой, можно в маленькой. Может быть, где-то поскользнулся, упал. Или человек мимо пробежал, толкнул. Или улицу переходил, а там машина...

– Трамвай!

Сперва выпалил, а уже потом вспомнил – и правда, был же зеленый трамвай. Чуть не угодил под него. Ну или просто показалось, не важно. Или важно?

Спросил:

– А если на самом деле этот трамвай стоял на месте, и опасности не было? Мало ли что мне с перепугу померещилось. Это считается?

Анна перевела вопрос, Туули энергично закивала и что-то затараторила.

– Важно только то, что ты сам счел трамвай опасным, – сказала Анна. – Помнишь, где это случилось? Сможешь туда вернуться?

Задумался, припоминая свой давешний маршрут. Наконец уверенно кивнул:

– Найду.

– Тогда вернись туда и немного постой на рельсах, вспоминая, как чуть было не попал под трамвай. Вспоминай свой страх. Потом иди на ближайшую трамвайную остановку. Дождись трамвая такого же цвета как тот, который тебя напугал. И ехать он должен в том же направлении. Войди в него и оглядись. Среди пассажиров будет твоя смерть. Просто не может ее там не быть.

– И как я ее узнаю?

– Понятия не имею, – вздохнула Анна. – Но Туули говорит, не было до сих пор такого, чтобы человек собственную смерть не узнал.

Ладно. Не было так не было, договорились. Хорошую сказку вы мне рассказываете, девочки. Жаль только, что я очень устал. Нет у меня больше сил вам верить. Закончи-

лись.

Старая великанша вдруг ухватила его за плечи и как следует встряхнула. Крикнула сердито:

– Сорка!

Это подействовало. По крайней мере силы сразу откуда-то появились. Если не верить этим безумным теткам, то хотя бы внимательно их слушать. Уже хорошо.

Туули тут же заулыбалась. И вложила ему в руки тряпичную куклу.

Очень странная у нее получилась кукла. Те, которые лежали на прилавке – милые аккуратные безделицы, довольно скучные, хоть и сшитые из разноцветных лоскутов. Скорее украшение интерьера, чем настоящая игрушка, такие обычно не дают детям, а кладут на подушки или сажают на диван, как символ простоты и смирения с домашним уютом.

А кукла, которую держал сейчас в руках, походила на работу юного художника-авангардиста, очень талантливого, но пока неумелого. Изумительно точное сочетание ярких и блеклых цветов, но при этом перекошенное туловище, кривые ручки и ножки, нитки торчат отовсюду. И несоразмерно огромная голова с тусклыми глазами-пуговицами и третьим, явно зрячим, открытым нараспашку, не пуговичным, а вышитым. И не на лбу, где обычно рисуют третий глаз, а на лысой макушке, уставился оттуда прямо в небо.

Хороший ход. Смешной.

И бархатная роза на животе, примерно в том самом месте,

где... Ох нет. Не надо об этом думать. Не сейчас.

– Когда ты узнаешь свою смерть, дашь ей эту куклу, – переводила толстуха. – Вернее, не дашь, а всучишь, это более точное слово. Если понадобится, силой. Если смерть не станет брать игрушку, положи ей на колени, или в карман засунь, да хоть за пазуху. Скажи: «Забирай вместо меня!» На любом языке, это все равно. А потом беги. Что хочешь делай, важно одно: чтобы смерть не догнала тебя и не вернула куклу, потому что второй раз этот номер уже не пройдет.

– Сорка, – ласково сказала великанша. – Сорка, окей! – И добавила еще что-то по-фински.

– Туули говорит, все у вас получится, – объяснила Анна. – Я тоже очень на это надеюсь. И хочу еще немножко добавить от себя. Я же примерно представляю, как дико все это для вас выглядит – Туулина кукла и разговоры про смерть в трамвае. Вы наверное думаете, она совсем спятила. И я с нею за компанию, если уж все это перевожу. Так вы знаете что? Думайте о нас что хотите, на здоровье. Спятили так спятили. А куклу все-таки не выбрасывайте. И до трамвая доберитесь, пожалуйста. И выберите там пассажира, который хоть немножко похож на смерть. Ну хотя бы капельку, условно, теоретически. И отдайте ему куклу. Как-нибудь уговорите взять, придумайте что-нибудь. Обязательно! Потому что лично для меня все это тоже совершенно абсурдно звучит. Но я много лет знакома с Туули. И точно знаю, что ее надо слушаться. До сих пор еще никто об этом не пожалел, на-

чиная с меня. А ведь мне по ее совету сутки на дереве пришлось сидеть, когда муж после аварии в реанимацию попал. Поздней осенью! Без телефона, без новостей. Совсем извелась, и врачи меня обыскались, когда Матти в себя пришел. Не знала потом, как объяснять им свое поведение. Но главное – Матти-то выздоровел, как новенький теперь. Из-за того, что я как дура сутки на дереве сидела? Не знаю. Честно говоря, совсем не уверена. Но если завтра у меня опять что-то стрясется, и Туули велит для исправления ситуации бегать голышом по Эспланаде, я разденусь как миленькая и побегу. На всякий случай. А вам даже штаны снимать не надо. И на дереве сидеть никто не заставляет. Я хочу сказать, вам досталось довольно простое задание. Такое можно выполнить даже если совсем не веришь.

Невольно улыбнулся, представив, как толстая Анна карабкается на дерево, а потом сидит на ветке – в этой своей плисированной юбке и радужном войлочном армяке, пестрая и нелепая, как сбежавший из зоопарка гигантский павлин. Похоже, великанша Туули знает толк в развлечениях. Правда, очень смешно.

Сказал:

– Спасибо, что рассказали про дерево. Теперь мне будет проще послушаться Туули. Если уж так удачно вышло, что я – не первый такой дурак.

– Затем и рассказала, – улыбнулась Анна. – Потому что сама на вашем месте была. И примерно так же себя чувство-

вала – вроде бы, на все готова, лишь бы хоть как-то делу помочь. А с другой стороны, такую глупость сделать велят. Таковую невероятную, нелепую глупость! Умереть, кажется, проще, чем уговорить себя ее совершить.

Повторил:

– Умереть проще.

И понял, что нет, вовсе не проще! Лучше уж совершить тысячу самых дурацких глупостей, чем умирать. Даже если о твоих выходках подробно расскажут все мировые газеты и три миллиона новостных сайтов в Интернете выложат видео на потеху всем соседям, родне и друзьям. А шансы на это, скажем прямо, невелики. Машка – и та не узнает, если, конечно, сам не разболтаю.

Сказал:

– Нет, умереть все-таки гораздо труднее. Конечно. Пойду искать этот чертов трамвай. Спросите, пожалуйста, у Туули, сколько я должен за куклу.

Почему-то был почти уверен, что сейчас придется отдать великанше все наличные деньги. И заранее не знал, как пережить грядущее разочарование. Деньги – черт с ними, по карманам и сотни евро не наберется, остальные на карточке, и вряд ли у Туули есть терминал. Но трудно, ох, как же трудно будет потом отделаться от мысли, что все это был хитроумный маркетинговый прием. Как продать подороже грошовую куклу? Да очень просто – объявить ее волшебным талисманом. Популярный и широко известный метод, Туули

не первая и не последняя. Боже, как жаль.

Но великанша только рассмеялась, хлопнув себя по ляжкам, а потом и их с Анной по плечам – за компанию. Что-то сказала и снова рассмеялась.

– Туули говорит, кукла – это подарок на Рождество, – перевела Анна. – Не вам, а вашей смерти. Она у вас симпатичная, как и вы сами. И наверняка хорошо себя вела весь год.

Вернуться на улицу, где его чуть не сбил трамвай, действительно оказалось несложно. Вроде, шел не разбирая дороги, а оказывается автопилот записал весь маршрут и был готов повторить его в любую минуту.

Шел очень быстро, благо ледяной южный ветер дул теперь в спину, не препятствовал, а помогал, подгонял. Свернул за угол даже раньше, чем успел задуматься: «А не пора ли мне поворачивать?» И практически сразу вышел на широкую улицу с трамвайными рельсами, пока совершенно пустыми, хоть танцы устраивай. Остановка была совсем рядом, пошел было туда, но спохватился: Туули велела постоять на рельсах и вспомнить, как испугался. Если уж решил выполнять самую идиотскую в мире инструкцию, будь точен – просто для равновесия. Безупречно или никак.

Ну что, постоял, побоялся. Вернее, вспомнил давешний испуг, скорее даже просто выброс адреналина, сотрясший тело, ум-то был занят совсем другими страхами, только с бухгалтерским равнодушием отметил: «Надо же, как близко этот трамвай».

Потом все-таки пошел на остановку и принялся ждать.

Раньше почему-то думал, все трамваи в Хельсинки зеленые, но оказалось – нет. Первым приехал синий, как майское небо, почти сразу за ним – ярко-красный, с призывной надписью «Паб». Вспомнил даже, что читал о таком в Интернете, решил не искать специально его остановку, но обязательно сесть прокатиться, если сам случайно попадетсЯ на глаза. И вот, гляди-ка, действительно приехал и долго стоял, дразнил распахнутыми дверями, теплом и светом, звонком бокалов и веселыми голосами чужих незнакомых людей, вероятно здоровых, а значит, почти бессмертных – в отличие от меня. Вот о чем не следует забывать, когда почти готов поддаться искушению, махнуть рукой на дурацкую куклу и вскочить в уютный вагон, погулять напоследок, потому что это же действительно самый последний шанс, завтра поезд – как бы домой, а на самом деле, мы все понимаем, куда идет этот поезд, и как называется конечная станция, да? Ладно, ладно, молчу.

Наконец красный трамвай-паб обиженно тренькнул и тронулся с остановки. А следом за ним приехал зеленый – не сразу, но более-менее вскоре. Минут пять спустя. Остановился, но почему-то не открыл двери, и в этот момент вдруг стало так страшно, как еще никогда в жизни не было, страшнее, чем отвечать на телефонный звонок из клиники, страшнее даже, чем завершив разговор с врачом, класть телефон

в карман.

«Трамвай приехал, спасение рядом, но двери! Закрыты, не войти, шанс упущен, чудесное спасение отменяется», – примерно так выглядел безмолвный внутренний вопль в переводе на внятный русский язык. И только тогда понял. «Господи, да я же очень серьезно играю в эту игру. Как будто поверил каждому слову ярмарочной старухи. Подучается, правда поверил? Похоже на то».

Водитель трамвая, вагоновожатый, как их называли в детстве, с недоумением косился на странного пассажира – вроде, топчется у самых дверей, а не заходит. Хотел заорать: «Дурак, ты забыл открыть мне двери!» – но тут наконец сообразил, что должен сделать это сам. Просто нажать кнопку, расположенную снаружи, сто раз уже это делал, во многих странах городской транспорт устроен именно так. И вдруг забыл. Господи, как же глупо. Но хорошо хоть в последний момент вспомнил, нажал, вошел, успел.

Успел. Что дальше-то? В таких случаях обычно говорят: «хороший вопрос». Но вопрос, будем честны, нехороший. От такого вопроса в глазах темно, и как же это невовремя, потому что именно сейчас смотреть надо очень внимательно. И не себе под ноги, а на лица немногочисленных пассажиров. Кто-то из них – твоя смерть. И моли Бога, чтобы этот кошмар, который и сформулировать-то сейчас невыносимо, сбылся для тебя. Оказался правдой. Потому что если все эти люди – просто жители города Хельсинки, едущие по своим

делам, тебе хана.

Огляделся, конечно, – а куда деваться. И убедился, что великанша Туули была права, когда говорила: «Не было до сих пор такого, чтобы человек собственную смерть не узнал». Ошибиться и правда невозможно.

Ошибиться невозможно хотя бы потому, что эту фигуру в синей куртке с прикрывающим большую часть лица капюшоном, видел уже не раз. И всегда почему-то в трамваях. Впервые в детстве, года что ли в четыре. И так громко ревел, так вопил от ужаса, так упрямо тянул мать к выходу, что порвал ее новенький плащ. А она так расстроилась и растерялась, что впервые в жизни ударила по щеке, да так сильно, что не устоял на ногах. Как теперь выясняется, правильно сделала, по крайней мере на всю жизнь запомнил эту безобразную сцену и заодно образ врага, мужчину в синей куртке с большим капюшоном, почти без лица, самого обыкновенного, самого страшного в мире дядьку – поди такое кому-нибудь объясни даже в сорок лет, не то что в четыре года.

Потом еще несколько раз встречал его в трамваях, почему-то всегда в «шестерке», сколько ни ездил другими маршрутами. И еще один раз в Одессе, когда был там в отпуске и ехал с друзьями с пляжа, от парка Шевченко, кажется, в «двадцать восьмом». Конечно, сразу же выскочил, объяснив: укачало. В этом смысле очень хорошо быть взрослым, даже перед лицом иррационального смертного страха всегда найдешь что соврать.

И вот теперь в Хельсинки. Ну, привет.

Сразу мог бы догадаться, кого мне высматривать в зеленом трамвае. Однако, надо же, даже не вспомнил. Удивительная штука память, этакий шкаф на курьих ножках, который поворачивается задом то к лесу, то к тебе самому исключительно по собственной воле. И какой частью усвоенной информации можно воспользоваться прямо сейчас, решаешь совсем не ты.

Стоял, смотрел на фигуру в синей куртке. Думал: «Куклу он, конечно, брать не захочет. Такого поди заставь. Значит, остается один вариант: нужно дожидаться остановки, кинуть куклу ему на колени и выскочить. Главное – кнопка! О кнопке в последний момент не забыть, а то не откроется дверь. Он... этот... короче, Смерть скорее всего погонится за мной, чтобы вернуть куклу. И наверняка тоже успеет выскочить, местные вагоновожатые никогда не захлопывают дверь перед носом зазевавшегося пассажира, и это в кои-то веки плохая новость, наши лютые питерские водилы в этом смысле куда надежней, но ладно, работаем с тем, что есть. Все, что мне остается – выскочить из трамвая и бежать, не оглядываясь. И тогда, может быть, убегу. Или скроюсь в каком-нибудь баре, или ворвусь в магазин, затеряюсь в толпе, заползу под прилавок. Или, кстати, полиция – совсем неплохой вариант. Спрячусь за спину первого же полицейского, буду кричать, что на меня напал тип в синей куртке, пусть защищает. В общем, можно рискнуть. Вернее, иначе нельзя.

Прошел через салон, остановился рядом с этим... безликим, в куртке. Короче, и так ясно, с кем. Тот, надо отдать ему должное, не обратил вообще никакого внимания – мало ли кто тут ходит. И можно было бы усомниться, да не выдумал ли я это все, включая свой детский испуг и рыдающую от растерянности маму, если бы не сила притяжения незнакомца – не какая-нибудь «харизма», а настоящее физическое притяжение, наверное, так чувствует себя железка в опасной близости от магнита, когда понимает: «Ой, батюшки, я сейчас поползу». Вцепился в поручень, выстоял, не грохнулся всем телом на колени пассажира в синей куртке, не уселся на ручки собственной смерти, и на том спасибо, такой молодец.

Стоял на расстоянии вытянутой руки, терпел из последних сил, думал в ужасе: «Господи, как же я от него убегу?» Но когда трамвай затормозил у очередной остановки, действовал решительно и так четко, как будто уже сто раз репетировал эту сцену. Достал из кармана тряпичную куклу, швырнул ее в лицо своей смерти, вернее, под капюшон. Крикнул на весь салон: «Забирай вместо меня», – а потом зачем-то добавил, уже потише: «Это от Туули. Подарок на Рождество за хорошее поведение».

Хотел было развернуться и побежать к выходу, но застыл, не в силах двинуться с места. Понял: вот и пропал. А этот в синей куртке вдруг рассмеялся, да так заразительно, что в иных обстоятельствах стал бы хохотать вместе с ним, не разбираясь, в чем, собственно, соль. А так просто беспомощно

слушал, как смеется – не то его смерть, не то все-таки просто пассажир хельсинского трамвая, поди разбери.

Так бы и стоял небось столбом не то что до следующей остановки, а вообще до конечной, но тут тип в синей куртке повернулся к нему, сверкнул из-под капюшона веселыми глазами, совершенно человеческими, только оранжевыми как огонь, сказал по-русски, совсем без акцента, как толстая Анна на ярмарке: «Да не бойся ты. Я ж не идиот – от рождественских подарков отказываться».

Уже потом, выскочив все-таки из трамвая, убедившись, что нет никакой погони, переведя дух, подумал: «Вообще-то сразу мог бы сообразить – если у смерти действительно мой характер, с ней довольно легко поладить, удивив или рассмешив».

Присел на лавку на остановке – ноги совсем не держат, а ведь еще собирался удирать от погони, такой оптимист. Посмотрел вслед отъезжающему трамваю, на всякий случай огляделся по сторонам – вроде бы, никого. Закрыв глаза и подумал: «Спасибо, милая Туули, милая Анна. Хотел бы я принести вам теперь подарков на Рождество. Сейчас посижу немножко и что-нибудь непременно придумаю. И заодно соображу, как отсюда добраться до Эспланады. Надеюсь, вы пока там, ярмарка не закончилась, рано еще совсем, часа, наверное, не прошло с тех пор, как мы расстались».

Но вместо того чтобы встать и идти, задремал. Вернее даже крепко заснул. Потому что как еще объяснить, что ко-

гда открыл глаза, вокруг было светло как днем. Ну, то есть, условно светло, на самом-то деле серо. Но серо – это и есть «как днем», иного освещения в полдень в конце декабря на севере не дождешься.

Оглядевшись, понял, что находился не на улице. И даже не в гостинице. А дома, в спальне. Ничего себе номер.

– Ничего себе номер, – сказал вслух, когда дверь отворилась и в спальню вошли Машка с Кашей.

Причем удивило его даже не столько Машкино появление, сколько тот факт, что кошка преспокойно сидела у нее на руках, не предпринимая попыток вырваться. Прежде Каша Машке даже гладить себя не особо позволяла. Да та и не рвалась. Неприязнь их была взаимной и, слава Богу, что сдержанной. «Ты меня не трогаешь, я тебя не замечаю», «Я тебя кормлю, ты ко мне не лезешь», – вот и договорились.

И тут вдруг такая любовь.

– Да уж, ничего себе номер, – повторила Машка. Тонем, не предвещавшим ничего хорошего.

Ну или просто так показалось. Потому что когда засыпаешь на трамвайной остановке в центре города Хельсинки, а просыпаешься у себя дома, довольно легко предположить, что в промежутке между этими двумя событиями поместилось еще несколько, вполне способных вызвать некоторое недовольство ближних. Особенно если ближний – Машка, обладающая ангельским характером. В смысле, характером

падшего ангела, так он всегда ее дразнил.

Сказал:

– Учти, я понятия не имею, как тут оказался. Последнее воспоминание: я сижу на трамвайной остановке и соображаю, как добраться до Эспланады, где Рождественская ярмарка. И все!

– Ну, судя по всему, до ярмарки ты благополучно добрался, – вздохнула Машка. – А где еще ты мог так наклюкаться, что даже на поезд опоздал?

– Наклюкался? Я?! Опоздал на поезд? Немыслимо. Так не бывает.

– Я тоже думала, что так не бывает. С кем угодно, но не с тобой. Тем не менее факт остается фактом. Телефон ты отключил еще три дня назад...

– Три дня назад?! Господи, а какое сегодня число?

– Двадцать третье. А на звонки ты перестал отвечать двадцатого. Я, наверное, понимаю, почему. И даже рассердиться на тебя за это толком не могу. Ладно, ничего, в итоге Александр Викентьевич позвонил мне. Не смотри так, плохих новостей не будет. Он сказал, что лечить тебе надо исключительно голову, в противном случае мне придется еще долгие годы жить с неменяемым психом, не способным даже вовремя зарядить свой идиотский телефон. И бросил трубку. По-моему, Александр Викентьевич здорово обиделся. Не знаю, как ты теперь будешь с ним мириться, и очень рада, что это не моя проблема.

Хотел перебить, сказать: «Вы все дружно сошли с ума. Ну или только ты. Санвикентич звонил мне двадцатого, сразу честно сказал: «Максимум – полгода», – и как раз после этого разговора я...»

Но промолчал, потому что... Не важно. В общем, правильно сделал, что промолчал.

– Поэтому, – сказала Машка, – все двадцатое декабря я рыдала. Сперва на радостях. А потом, после нескольких сотен попыток тебе дозвониться, уже от ужаса. Потому что, понимаешь, самые хорошие в мире анализы совершенно не спасают от несчастных случаев и других катастроф, которые, будем честны, могут произойти с кем угодно, абсолютно в любой момент. И я все время думала, как же это обидно, если с тобой что-то случилось именно сегодня, когда наконец стало ясно, что все хорошо, и можно жить дальше. В общем, как-то примерно так. А ты, конечно, свинья.

Кивнул:

– Я свинья. Но учти, я такая интересная разновидность свиньи, которая только что была совершенно уверена, что двадцатое декабря – это у нас сегодня. В самом крайнем случае – ладно, вчера. При условии, что я до утра проспал на той остановке, что само по себе совершенно немыслимо, холодно же, ветер и снег... Но куда делись еще два дня?

– Это тебе виднее, – вздохнула Машка. – Я знаю только, что поездом ты вчера не приехал. И пока я думала, не пора ли обращаться в какой-нибудь международный розыск, и

пыталась выяснить, с чего начинать, тебя благополучно привезли.

– Привезли?

– Ага. В грузовике. Какая-то милая пара – она русская, он финн. Ехали в Питер, везли в магазинчик ее родителей какой-то товар и подобрали тебя недалеко от границы, где ты ловил попутку. Сказали, ты был так прекрасен, что просто невозможно такого не подвезти до самого дома. Они тебя еще и внесли – прямо на четвертый этаж. И кротко спросили, куда можно положить.

– Я был прекрасен? Это в каком смысле? Настолько пьян?

– Пьян – это само собой, судя по чудовищному перегару.

Но думаю, они имели в виду твой наряд.

– Что за наряд?

– Словами не описать. Сейчас покажу.

Усадила Кашу на постель и вышла из комнаты. Кошка, прежде обожавшая хозяина с истинно собачьей страстью, сейчас не спешила ластиться. Сидела, внимательно разглядывала, осторожно принюхивалась, как будто успела забыть... Да ну, чушь какая – «забыть»! А то прежде никогда из дома не уезжал. И почти на месяц случалось. И все было в порядке, сразу лезла на руки, мурлыкала, как заводная.

Хотел спросить кошку: «Правда, что ли, не узнаешь?» – но почему-то постеснялся. Только пробормотал неуверенно: «Кашенька», – и замер, испугавшись, что она сейчас вообще удерет. Но в этот момент Каша вдруг торжествующе мякнула

и решительно полезла под одеяло – исполнять свою прямую обязанность, греть хозяйский бок.

Ну слава Богу, признала. Значит, я – это все-таки я.

А что, были сомнения?

Сомнения, чего уж там, были. Но они все разом вылетели из головы, когда в спальню вернулась Машка. И вовсе не потому, что Машка прекрасней всех на земле, хотя, конечно, случается с ней порой и такое. А потому что она – не принесла даже, а натурально приволокла что-то вроде огромной мантии с капюшоном, или плащ-палатки, сшитой из тряпичных игрушек, кукол, птиц и зверьков. Туулин балахон, Господи твоя воля. Ис лоскутёп, ис тряпосек. Откуда ему тут взяться? А с другой стороны, откуда тут взяться мне?

То-то и оно.

А все-таки хорошо, что добрался тогда снова до ярмарки, разыскал великаншу Туули и рыжую Анну, завалил их подарками, обнимал, целовал румяные от мороза щеки, пил «за здоровье», а потом за скорое Рождество, за Туули, Анну, Матти и «Сорку», за «хювя» и «окей» – сперва на Эспланаде, под смех гуляющих, потрескивание костров и жизнерадостный визг расстроенного аккордеона, а потом на палубе катера, мчавшего куда-то их пеструю компанию сквозь вой ледяного южного ветра. Или это был не катер, а сам южный ветер? Да кто ж теперь разберет.

Конечно, перебрал с непривычки. А кто бы на моем месте не перебрал.

– Ты хоть что-нибудь помнишь? – сочувственно спросила Машка.

Уселась на ковер рядом с постелью, посмотрела жалобно, снизу вверх, как ребенок. Повторила:

– Помнишь хоть что-нибудь?

Времени на обдумывание больше не оставалось. Знал: как скажу, так и будет, мне выбирать.

Ладно.

Сказал:

– Помню только, что от страха совсем съехала крыша, и я отключил телефон. Пообещал себе, что через пару часов наберусь храбрости, снова включу и позвоню Санвикентичу сам. Пошел прогуляться в сторону Эспланады, где ярмарка. Выпил там глэги – это же, вроде, совсем не крепко. Но сразу так попустило, что повторил. А потом... А вот что было потом, друг мой Машка, я совершенно не помню. Помню только, что все забыл.

– Ну и черт с тобой, – вздохнула Машка. – Забыл так забыл, главное, что живой. И это, к счастью, надолго.

Innuendo

– Предположим, апельсин ходит как ферзь, – сонно говорит Кэт, катая пахучий оранжевый шар по столу. – Вот как хочет, так и ходит. Например, в твою тарелку. Или вообще на пол. Но не тут-то было! Я его – ррраз! – и поймала. И теперь съем. Игрок съедает своего ферзя, как лиса колобка. Ам! Беспрецедентное событие. Я – великий шахматист. Никем не понятый гений. И у меня самый вкусный в мире ферзь. Почистите мне его, пожалуйста, люди добренькие, помогите кто чем может. Я так устала, что уже практически не местная. И сама не своя. У меня пальцы в косу заплетаются.

– Да вижу, – вздыхает Бо. – Ты же сидя спишь. Отвезти тебя домой?

– Меня отвезти домой, – сладко зевает Кэт. – Меня еще как отвезти! И привезти. Причем именно домой. Но не прямо сейчас. Хочу еще немножко поспать сидя. И посмотреть сон про всех вас. Такой хороший сон! Я ужасно соскучилась.

– Работа тебя доконает, – говорит Маша, протягивая Кэт очищенную половину апельсина и принимается за оставшуюся часть. – А я тебя сразу предупреждала, что в этот милый журналчик лучше не соваться. Когда о редакции доподлинно известно, что рабочий день там начинается в девять, потому что «так положено», да еще со штрафами за опоздание, а заканчивается в лучшем случае тоже в девять,

потому что «номер горит», причем горит он как костры инквизиции, весь месяц напролет, а не последние три дня перед сдачей, как у всех нормальных людей – это, по-моему, равносильно надписи «Не влезай, убьет». А ты как персонаж тупого ужастика, которому весь зрительный зал хором кричит: «Не сворачивай в сумерках на лесную дорогу, не ночуй в гостинице под названием «Черный Проклятый Дом», труп на пороге твоей комнаты – это не обычное недоразумение, нет-нет-нет!» – а он все равно жизнерадостно прет в самое пекло вместо того, чтобы бежать без оглядки, осеняя себя крестом трижды в секунду.

– Вот именно, – кивает Бо. – Я ей каждый день говорю, что...

– Ты мне каждый день говоришь, – сонно соглашается Кэт. – И все правильно говоришь. Я бы на твоём месте примерно то же самое говорила. Но этот «Черный Проклятый Дом» оказался таким замечательным местом! Во-первых, делать журнал, за который не стыдно, по нашим временам немыслимая роскошь. Все равно что к Маргарите на свидания бегать, ни единой души Мефистофелю так и не продав. А во-вторых, там же натурально заповедник гоблинов. В смысле, совершенно прекрасных придурков – таких же как я, только еще хуже. В смысле, круче. Не знаю, как до сих пор без них жила. По утрам просыпаюсь в семь. Если по уму, надо бы еще раньше, но тогда я просто сдохну. Я, конечно, и так сдохну, но не сразу. А немного погода. Так вот, просы-

паюсь каждый божий день в семь утра – это я-то! Ненавижу все живое. Хуже зомби, потому что меня даже чужие мозги в этот момент не интересуют. Ни за что не стану такую гадость жрать. Только кофе, да и то скорее от отчаяния: и так все плохо, а тут еще полную кружку вот этого горького черного залпом, как пулю в висок. И пока бреду на кухню, проклиная все сущее, вдруг вспоминаю, ради чего поднялась. Что сначала, конечно, все будет плохо, потому что кофе горький, вода мокрая, а еще одеваться – Господи, как я же ненавижу одеваться, хоть в одежде спать ложись, чтобы одной пыткой с утра меньше. А впереди еще метро – без комментариев, мы все понимаем, что это такое. Но потом-то, потом! Потом я все-таки приду на работу, и там будут все мои прекрасные придурки. Танька, Ваня, Салочка, Морковна. И Лев Евгеньевич, если очень повезет, выйдет из кабинета к нам пить кофе. И кааак начнет свои байки рассказывать...

– Кто-кто тебе байки рассказывает? – изумленно переспрашивает Веня. – Что за Лев Евгеньевич? Это Крамский, что ли? Я с ним пять лет в «Новостях» проработал. Чудовищный зануда. И вообще чудовище. Вида ужасного, к тому же.

– Ну так, наверное, ему с вами было скучно. А с нами интересно, – пожимает плечами Кэт. – Вот он и пошел байки травить. Любой нормальный человек – переменная, а не константа. А то бы застрелиться можно было.

– Ну, не знаю. Нормальный человек может и переменная,

а у Крамского на лбу написано, что он константа. И послан человечеству в наказание, уж не знаю за что. Может, как доплата за Содом и Гоморру? В Небесной Канцелярии подбивали баланс, поняли, что огонь и сера – это было недостаточно сурово, и быстренько отправили на землю Крамского. Но почему-то не на берега Мертвого моря, а в Москву. Промажнулись, что ли?.. Слушай, а мы точно говорим об одном и том же человеке?

– Понятия не имею, – сонно улыбается Кэт. – Но все-таки фамилия, имя, отчество, профессия. Многовато для совпадения. Да брось ты, в самом деле. Может, у человека просто плохой период в жизни был, когда вы вместе работали. А теперь все прошло. Он правда прикольный. И между прочим, бывший художник-авангардист. При советской власти это был такой экстремальный спорт, для самых безбашенных. Он к памятникам Ленину ангельские крылья приделывал – самодельные, из марли на каркасе. И картины рисовал – египетские мумии в пионерских галстуках, рабочие с картофелем вместо лиц, члены Политбюро парят ноги в тазаках, а глаза у всех светятся таким инопланетным белым огнем. А когда СССР развалился, и все разрешили, бросил это дело – стало неинтересно. Вот тебе и зануда.

– Ну ты даешь, – восхищенно вздыхает Веня. – Крамский! Клеит ангельские крылья памятникам! Мумии в галстуках, картошка, ноги в тазаках. Вот это импровизация! Что у тебя в голове делается, дорогой друг?

– Голова головой, а ты погугли, – пожимает плечами Кэт. – Про свои картинки он нам не рассказывал, я их сама нашла на сайте какой-то американской галереи. Или немецкой? Один черт.

* * *

– Слушай, а что за байки Крамский вам травит? Я же Левгеньича тоже немножко знаю. И, честно говоря, совершенно не могу вообразить его выступление в этом жанре.

– Ннннууу... Да черт его знает, – зевает Кэт. – Такой, понимаешь, экзистенциальный поток сознания, пока слушаешь, просто ах, а потом хрен перескажешь.

Диспозиция теперь такова. Бо сидит за рулем, Кэт лежит на заднем сиденьи, прикидывая, что делать с ногами, которые внезапно стали слишком длинными и не помещаются никуда. Хоть в окно их высовывай. А кстати, это мысль.

– Ты что творишь?

– Да вот, подумала: у меня такие прекрасные новые сапоги. Надо бы воспользоваться случаем и показать их всему городу. При бледном свете фонарей, например.

– Не стоит, – мягко говорит Бо. – Предположим, сегодня неподходящий для этого лунный день.

– Аргумент, – вздыхает Кэт. – Ладно, тогда поехали побыстрее. Потому что я тут у тебя совершенно не помещаюсь – так, чтобы лежать. А не лежать бессмысленно. Зачем тогда

вообще жить, если усталому человеку прилечь нельзя?

– Бедный ты мой усталый человек. Слушай, а они все действительно такие кайфовые, как ты рассказываешь?

– Кто – они? Сапоги? Еще бы! Все два.

– Да ну тебя. Твои коллеги. Включая эту всклокоченную рыжую тетку, которая сидит у окна – как ее? Морковна? Ну, которая начала орать, когда я за тобой зашел. Что-то она мне как-то совсем не понравилась. Я дурак? Чего-то не понимаю?

Кэт не отвечает, потому что спит. И будет спать до самого дома, пока худосочный Бо не предпримет очередную провальную попытку вынуть ее из машины и отнести на руках хотя бы до подъезда. Потому что на пятый этаж без лифта – это уже перебор, даже с точки зрения благородного рыцаря, чья дама сердца весит, скажем так, несколько больше, чем два пакета с едой из супермаркета, с которыми он обычно вполне неплохо справляется.

– Ой, нет-нет-нет, уронишь, я сама, – сонно смеется Кэт и выбирается из машины, а потом они идут, обнявшись, сквозь синюю гущу тьмы, слегка разбавленную топленным молоком фонарей.

* * *

– Понимаешь как, – внезапно говорит Кэт, остановившись на лестничной площадке между третьим и четвертым эта-

жом. – Та же Морковна, кажется, вообще никому кроме меня не нравится. Зато она – поэт, причем настолько странный и сложный, что даже не могу сказать, хороший ли. Но какая разница, все поэты зачем-то нужны, иначе бы их не было. Особенно Морковны, с таким характером, как у нее без дюжины ангелов-хранителей среди людей не выжить. Совершенно не важно, нравится она тебе или нет. И все остальные. Ты же с ними не работаешь. А я работаю. Целыми днями в одном помещении сижу. И кофе вместе пьем, и обедать ходим. Что, впрочем, пустяки. Важно, что журнальчика нашего распрекрасного не будет, если мы не станем одним целым – на то время, пока его делаем. Больше, чем пресловутой «командой», натурально одним существом, с ясной целью и твердым намерением. Не могу же я вот так, с утра до ночи с какими-нибудь скучными придурками одним существом становиться. И поэтому они – кайфовые. Буквально лучшие люди на земле. Я так решила. Мое слово твердо. И знать ничего не желаю.

– Ничего себе постановка вопроса. – Бо озадаченно качает головой.

– Ну а как еще. – Кэт снова сладко зевает. – Это же моя жизнь. Как скажу, так и будет. Собственно, уже есть.

* * *

– А Крамский, между прочим, действительно совершенно

офигительный тип, – сонно бормочет Кэт, наматывая на себя оба одеяла. – Хоть и с прибабахом. Ну а кто без? Я же правда его картинки в Интернете нашла. И еще почитала воспоминания друзей юности, сейчас многие о тех временах пишут. По всему выходит, Крамский наш очень крутой чувак был. А значит, и остался. Такие штуки – они же никуда не деваются. Они всегда навсегда.

* * *

– Тихо, – говорит Лев Евгеньевич, – помолчите, пожалуйста.

«Если, конечно, уровень вашего примитивного сознания позволяет контролировать речевой аппарат хотя бы на протяжении нескольких минут, в чем я, по правде говоря, сомневаюсь», – эту, вполне обычную в его устах фразу шеф-редактор почему-то произносит про себя. Будем считать, по причине лирического настроения, наступившего столь внезапно, что Лев Евгеньевич пока не понимает, что с этим следует делать. И как себя вести. Ему хочется плакать и одновременно скакать на одной ножке. И еще – кого-нибудь обнять. А это уже, будем честны, ни в какие ворота.

Лев Евгеньевич прислоняется лбом к холодному стеклу. За окном идет снег, который он ненавидит с детства, с тех самых пор, когда родители привезли его из Ташкента в Москву и сказали: «Теперь наш дом здесь». И даже толком не по-

трудились объяснить столь нелепый выбор нового места жительства. Ужасно тогда на них обиделся. И зиму невзлюбил. И вот она опять началась. Что вполне закономерно, как-никак, на дворе середина ноября. «Удивительно другое, – думает Лев Евгеньевич, – какого черта я этому рад?»

И открывает окно. И свешивается наружу – не по пояс, конечно, но все-таки изрядно, так что у рыжей Таисьи Марковны начинает кружиться голова, она отворачивается и пропускает дивное зрелище: грозный, вечно угрюмый шеф, человек-футляр для хранения самого злого в мире языка, высовывает этот самый язык и ловит на него снежинки – одну, другую, третью.

– В детстве у меня был друг Сашка, – говорит Лев Евгеньевич, вероятно, под воздействием этого психотропного средства, иных объяснений у его подчиненных нет. – И мы с ним мечтали стать полярниками. Надо же, я только что вспомнил! Причем не просто мечтали, а готовились к походу на Северный полюс. Идея, ничего не скажешь, смелая – с учетом того, что жили мы тогда в Ташкенте. И снег видели только в кино. Нам говорили, что он холодный, как мороженое, но поверить в это было непросто. Такое абстрактное знание, совершенно неприменимое в практической жизни. Однако из кинофильмов мы твердо уяснили, что по снегу передвигаются на санках. И стали их строить. И даже построили нечто – не санки, конечно, а, можно сказать, платоновскую идею санок, по крайней мере более предельного

обобщения я и вообразить не могу. Думаю, наши санки и по снегу особо не скользили бы, потому что вместо нормальных полозьев у них была идея полозьев. Платоновская, конечно же. Какая еще. Но мы как-то умудрились нагрузить эти санки доверху и дотащить их по тротуарам почти до самой городской окраины, где они все-таки развалились, и мы остались на груде обломков с охапкой отцовских свитеров и семью банками консервов – по нашим расчетам этих припасов должно было хватить до самого полюса, штурм которого, увы, не удался. Или все-таки удался? Просто растянулся во времени. Выходили мы из Ташкента, и что же? Сашка сейчас живет в Эдмонтоне, на самом севере Канады. А я – тут, в Москве. Результат не блестящий, до Сашки мне далеко, но все-таки почти полпути я уже проделал. А жизнь все еще впереди, по крайней мере некоторая ее часть... Внимание, вопрос: зачем я вам все это рассказываю? Правильный ответ: понятия не имею. Кажется, мне просто надоело прикидываться вашим начальником. Что, впрочем, не отменяет того факта, что ваша тоскливая возня с Масоалой должна триумфально завершиться хотя бы к пяти, а не за полчаса до полуночи. Спасибо за внимание.

И, не обращая внимания на округлившиеся глаза и приоткрывшиеся рты сотрудников, возвращается в кабинет.

– Отлично, – говорит Кэт, – просто отлично. Ну а как еще, по-твоему, мы можем жить?

– Да как угодно можете, – смеется мама Тами. – Вы у меня в этом смысле вполне всемогущие.

– Именно! – радуется Кэт. – Но мы же не просто всемогущие. Мы еще и умные! Поэтому из всего доступного нам многообразия возможностей выбрали самую простую и приятную: отлично жить. Даже удивительно, что ты сомневалась.

– Это все из-за вашей квартиры. Ты же знаешь, я невзлюбила ее с первого взгляда. Ненавижу эти советские хрущевки, сама в такой выросла и счастлива там не была. И теперь думаю: ну как в такой гнилой норе можно «отлично жить»? И подозреваю неладное. Например, что кто-то из вас уже давно сидит без работы, и вы просто не можете позволить себе жилье получше. И конечно, ничем не могу помочь, зато исправно морочу тебе голову. Прости.

– На самом деле имеешь полное право, – говорит Кэт. – Ты у меня и так какая-то подозрительно вменяемая. У всех мамы как мамы, истерят с утра до вечера, требуют, чтобы все немедленно стало как им хочется, ничего слушать не желают. А ты как с другой планеты, даже внуков срочно не требуешь. И не приезжаешь внезапно раз в неделю с проверкой, хоро-

шо ли мы чистим унитаз. Я, знаешь, даже рада, что ты прикопалась хотя бы к нашей квартире. Появляется надежда, что ты все-таки нормальная живая человеческая мама со своими причудами, а не безупречно функционирующий андроид, какая-нибудь экспериментальная модель Нексус-шестьдесят девять, которая всем хороша, но в любой момент может выйти из строя. И где тебя тогда чинить? Борька даже с утюгом через раз справляется, а я вообще технику только ломать умею, ты в курсе.

– Ну, если ты так ставишь вопрос, я могу еще к чему-нибудь прикопаться, – оживляется мама Тами. – Просто ради твоего спокойствия. Например, к твоей прическе. Или к количеству серег в каждом отдельно взятом ухе. Или начать ныть, что вам с Борей давно пора расписаться... Ох нет-нет-нет! Не пойдет. Чем такой дурой, лучше уж андроидом. Прости, детка. Я тебя подвела.

– Да ну, все нормально. Стонов из-за квартиры вполне достаточно. Потому что любой нормальный андроид с хорошими электромозгами не нашел бы, к чему тут придраться. Не где-нибудь на краю земли, а в Бабушкине. И до метро всего десять минут пешком, а не полчаса автобусом. Выходишь ночью на балкон, вокруг тихо и соснами пахнет – как будто за городом... Ну хрущевка, да. И не ремонтировали ее лет двадцать, в лучшем случае. Так она и стоит соответственно. Четверть нашего общего дохода, а не половину, как могло бы быть. Представляешь, как приятно прокучивать разницу?

И хозяйка отличная – ну, ты же сама ее видела. Это, между прочим, огромное везение, все вокруг на своих лэнд-лордов жалуются, прям волком воют, кого не слушаешь, так хоть на улице в палатке живи, лишь бы с московскими квартировладельцами не связываться.

– Ну да, видела я ее. – Мама Тами упрямо наклоняет голову, словно собралась бодаться с сидящей по ту сторону монитора дочкой. – Анна Петровна, как Анна Петровна. Типичная Анна Петровна, и этим все сказано. Бывшая училка, да? Младших классов. У нее на лице написано: «Мама мыла раму».

– А также Кришну и Вишну, – смеется Кэт. – Я уже поверила, что ты не андроид, прекращай стараться. Никакая она не училка. А вовсе даже медсестра на пенсии. Но штука вообще не в этом. А в том, что она копит деньги на кругосветное путешествие.

– Чего-чего?

– На кругосветное путешествие, – торжествующе повторяет Кэт. – Ну или тричетвертисветное, как получится. Это же не только от нее зависит, надо, чтобы еще и все нужные визы дали. С Австралией вполне может получиться пролет. И с Штатами; впрочем, тут проще, можно обойтись одной Латинской Америкой. Тем более она даже интереснее...

– Катька! Ты что, серьезно?

– Ну да. А что такого? Почему нет? Она же не на самокате собирается весь мир объехать. А как нормальный чело-

век – поездами, автобусами. Ну, самолетами, когда без них не обойтись. А может, и по морю, это она еще не решила. Просто не знает, укачивает ее или нет. Говорит, надо разок попробовать...

– Катька!!!

– Ну чего ты так удивляешься? По-моему, нормальное человеческое желание. Особенно когда тебе, например, уже шестьдесят пять лет, и ты вдруг понимаешь, что еще почти нигде не была. Даже в Мурманске и на Камчатке, хотя уж туда-то визу точно не надо. Вот наша Анна Петровна и спохватилась. Тем более деньги лишние появились, как квартиру начала сдавать. И тогда она решила не мелочиться, а сразу ехать вокруг света. Чтобы одним махом уравновесить долгую оседлую жизнь. Какова, а? Я ею горжусь и уговариваю вести путевой дневник. Вот это был бы проект! Пенсионерка едет вокруг света! Но она пока упирается – ну, знаешь, как все: «Ой, да я и писем-то никогда не писала». Ничего, может, уговорю еще.

– Ничего себе, – вздыхает мама Тами. – Ай да Анна Петровна! Всем пример. И мне в том числе. Теперь ясно, чем я займусь после шестидесяти. Осталось ограбить пару банков, но тут я вполне спокойна. Время у меня пока есть.

– С банками мы тебе поможем, – говорит Кэт. – Можешь на нас твердо рассчитывать. Потому что мы тоже хотим вокруг света. С портретом храброй Анны Петровны на знамени экспедиции. Да будет так!

– Ну ты даешь, – говорит Бо, сидевший во время разговора на кухне и благородно сохранявший молчание до конца сеанса связи. Даже не заржал в голос. И если он после этого не ангел, то, скажите на милость, кто тогда.

– Что – даю? – невинно переспрашивает Кэт, изымая из его тарелки несъеденную котлету и отправляя ее в рот. – Ммммооо ммммуаммыы? – И, кое-как прожевав, повторяет: – Что именно?

– Анна Петровна, собравшаяся в кругосветку – это очень сильно. Я чуть со стула не свалился. Даже от тебя не ожидал. Даже от тебя!

– Ну а что тут такого? – пожимает плечами Кэт. – На самом деле она действительно вполне могла бы поехать путешествовать. Денег у нее теперь много, а тратит она, как привыкла, мало. Экономит на всем. И журнал «Вокруг света», кстати, выписывает. И дома у нее на всех книжных полках сплошной Жюль Верн. По-моему, это просто логично. Вот ни капельки не удивлюсь, если она решится.

– Это была импровизация века, – твердо говорит Бо. – И главное, Тами тебе поверила! Я тобой горжусь.

– Думаешь, поверила? – польщенно переспрашивает Кэт. – Это хорошо. Я же, собственно, для нее старалась. А то маму иногда заносит – вдруг начинает думать, что все про

всех знает. И если будет слишком часто убеждаться в своей правоте, ей станет очень скучно жить. Потому что на самом деле она идеалистка, каких свет не видывал. Таким надо ошибаться как можно чаще. Их это бодрит... Слушай, ты хочешь сказать, что котлеты – все? Вот это катастрофа!

– Три штуки в сковородке, под крышкой, специально для тебя.

– Отлично! Значит сегодня тебе не придется приглашать меня в ресторан и кормить фаршированными устрицами.

– А разве их фаршируют?

– Подозреваю, что да. Чего только не проделывают нынче с едой. Среди поваров встречаются удивительные злодеи. Предполагай худшее – не ошибешься.

– Универсальный принцип.

– Только когда речь идет о тайнах высокой кухни. В остальных случаях наоборот. Предполагай лучшее и, возможно, угадаешь – если воображение не подведет.

– Иногда мне ужасно жаль, что ты – не Господь Бог. Ты бы отлично все устроила.

– Он у нас тоже вполне ничего, – смеется Кэт. – Просто нам обычно трудно въехать в Его замысел. В сущности, наш Бог – непонятый гений. А это очень портит характер. Но он пока держится молодцом. Вроде бы. Ну, если уж мы все еще не испепелены.

– Катенька, Боренька, – говорит Анна Петровна, – у меня к вам разговор. Такой... непростой. Даже и не знаю, с чего начать.

– С чая, – твердо говорит Кэт. – Потому что у нас сегодня к чаю сливочное полено. Очень удачно вы зашли. Просто идеально!

– Вы съезжать пока не собираетесь? – спрашивает Анна Петровна, деликатно размешивая чай.

– Не собираемся, – отвечает Бо. – А надо?

– Нет-нет-нет, наоборот! Не надо. Просто я подумала – а вдруг у вас с Катенькой какие-то планы. А я не знаю.

– Тогда все в порядке, – улыбается Кэт. – Никаких планов. Живем дальше. Берите полено, пожалуйста. Очень вкусное!

– Спасибо, – говорит Анна Петровна. И продолжает сосредоточенно размешивать чай. – Я еще вот что хотела спросить... А вы могли бы заплатить мне вперед? Месяца за три? А лучше за четыре. Я тогда меньше возьму. На треть. И расписку дам, какую хотите. Хоть у нотариуса.

«За четыре месяца вперед, на треть меньше, – прикидывает про себя Бо. – Очень неплохо получится. Если я сообщу, где прямо сейчас одолжить еще тысяч тридцать – а я сообщу, не вопрос – то...»

– Что-то случилось? – встревоженно спрашивает Кэт. –

Вы не волнуйтесь, мы наверняка сможем заплатить вперед. Что-нибудь придумаем.

– Ничего не случилось, – смущенно говорит Анна Петровна. И совсем тихо добавляет: – Просто я хочу в Индию поехать. Сейчас многие ездят. Столько удивительного рассказывают! А я слушаю и чуть не плачу – да почему же я еще не там? Даже на курсы английского записалась, все лето ходила. Теперь смогу сказать, спросить – не все, но самое основное. А боялась не справлюсь, старая уже учиться...

– В Индию?! – Бо не верит собственным ушам.

– Здорово! – выдыхает Кэт. – Какая вы молодец, отлично придумали! Там же тепло сейчас. И фрукты. И дешево все, особенно после Москвы.

– Все так говорят, – кивает Анна Петровна. – Племянник прошлой зимой там на триста долларов в месяц жил, как богач. Такой довольный вернулся. Говорит: «В раю я уже был, дорогу теперь знаю». И я вдруг поняла – жизнь-то уже заканчивается. А я нигде не была. Ничего не видела. И о душе надо бы подумать. А в Индии, говорят, это хорошо получается – подумать о душе. Туда за тем и ездят. Вот и я собралась. Только не знаю, как быть с деньгами. Можно их в Индию присылать? Вот и решила спросить: а может, вы сразу заплатите вперед? Тогда я буду спокойна.

– Можно и так, – говорит Кэт. – А можно просто счет в банке открыть. Мы вам на карту деньги переводить будем – например. Как захотите, так и сделаем, лишь бы у вас все

получилось. А знаете что? У нас там сейчас друзья живут. В Гокарне, на берегу океана. А перед этим ребята по всей стране ездили. Я им сегодня вечером напишу, расспрошу, пусть посоветуют, с чего вам лучше начать. Хотите? Вы когда ехать собираетесь?

– Да мне бы поскорее, – вздыхает Анна Петровна. – Пока не передумала. А то я себя знаю, если надолго отложу, то уже и не решусь. И потом всю жизнь буду поедом себя есть, локти кусать, а все равно не поеду, потому что еще больше испугаюсь. Мне долго раздумывать нельзя.

– Ясно, – кивает Кэт. – Я и сама такая. Тогда сегодня спрашиваю ребят, а завтра мы с вами будем покупать билеты, да такие, чтобы сдать было нельзя – вот вам и гарантия! Ничего-ничего, вы у нас отлично там перезимуете. Просто лучше всех! И возможно, получите просветление. Или даже несколько просветлений подряд. Говорят, в Индии это легче легкого, как в Москве грипп подхватить. Верьте мне, все будет замечательно. Я вам заранее ужасно завидую. И сейчас спляшу!

«Чокнуться можно, – меланхолично думает Бо. – И, по всей видимости, даже нужно. Самое время».

* * *

– Слушай, а как твой брат сейчас поживает? – спрашивает Маша.

– Витька? Отлично! – улыбается Кэт. – Заперся на дедовой даче под Одессой и работает, не разгибаясь. А это, как понимаем мы, лучшее, что может случиться с художником.

– Ну и слава Богу, – вздыхает Маша. – Он классный у тебя. Классный и... трудный. В смысле, похож на человека, которому всегда будет трудно, какую бы жизнь ни выбрал. Потому что ему вообще на другой планете надо было родиться, просто в последний момент перепутал, не ту дверь открыл.

– Так это как раз совершенно нормально, – говорит Кэт. – В смысле, для художника нормально. Они же все такие – которые настоящие. А Витька – даже слишком настоящий. Конечно, ему трудно! Но я бы с ним поменялась, не глядя, хоть сейчас. То есть, сейчас – особенно. Потому что он снова при деле, а значит, счастлив, как нам и не снилось. Захотим, а все равно не сможем вообразить.

– Надо же, как бывает, – задумчиво говорит Веня. – Он же буквально неделю назад внезапно объявился у меня в скайпе. Сказал, что все херня, в искусство он наигрался, хочет просто жить, но не знает, с какой стороны за это дело браться. И подозревает, что фиг получится. И отключился прежде, чем я успел придумать хоть какой-нибудь ответ. Как быстро все меняется! Но в Витькином случае это, конечно, к лучшему.

– Ну, мало ли что было неделю назад, – отмахивается Кэт. – Для Витьки это все равно что в позапрошлом веке. У него же внутренняя скорость бешеная, даже про «вчера»

говорит «давным-давно». Наверное, и не вспомнит уже, что жаловался. Впрочем, он сейчас вообще ни о ком и ни о чем не помнит. Я же тоже только от мамы знаю, чем он занят. Она его на даче застукала среди кучи холстов, и чистых среди них практически не было. И везде льется черный свет – на белые стены, на белую траву, на белые лица. Ох, ну я-то пока не видела, с ее слов пою. Мама говорит, посмотрела-посмотрела, почти испугалась, потому что как-то слишком хорошо, чтобы быть правдой. И пошла на цыпочках обратно, на электричку, чтобы не мешать. Витька ее вообще не факт что заметил. Обычное дело, когда он работает. Ничего, через пару дней остановится, чтобы поесть, может даже позвонит. Очень на это надеюсь. Скучаю все-таки по нему – ужас как!

* * *

– Ну миленький, – говорит Кэт, пока Бо аккуратно вырубает на улицу, – а что я должна была им говорить? Что Витька лежит на дедовой даче зубами к стенке и до сих пор не повесился только потому что ему лень встать? Так это, заметь, просто наша версия, основанная на так называемом «знании жизни». То есть, на опыте. Но кто сказал, будто опыт прошлого хоть сколько-то полезен при попытке разобраться с настоящим? Прошрое – прошло, наступил новый день. С чего мы взяли, будто жизнь – череда бесконечных повторов? Согласна, часто это так и есть, но «часто» не озна-

чает «всегда». На самом деле мы с тобой просто не знаем, как дела у Витьки, и чем он занят прямо сейчас. И мама не знает. И вообще никто, кроме него самого. И почему бы, в таком случае, вместо заунывной саги о творческом кризисе не рассказать друзьям более правдоподобную версию?

– В смысле, менее?

– Нет! Именно «более». Когда я ничего толком не знаю, более правдоподобная версия – это та, которая устраивает меня. Если завтра я узнаю правду, не стану затыкать уши и делать вид, будто ничего не слышала. Приму ее к сведению, даже если мне очень не понравится. Но пока я не знаю правды, я свободна. И могу выбирать ту правду, с которой мне нравится жить. И которая, если уж на то пошло, понравилась бы Витьке – где бы он ни был и чем бы ни занимался. Я не знаю, как сейчас живет мой братец, но примерно представляю, как он хотел бы жить. Все, что я могу – сделать вид, будто так оно и есть. Уже есть, а не когда-нибудь будет. Не спорь со мной, пожалуйста. Мне и так непросто. Из последних сил держусь. Когда пойму, что больше не могу, попробую ему позвониться. Но точно не сегодня. Пусть еще немного поживет той идеальной жизнью, которая возможна только у меня в голове, ты совершенно прав, только не говори это вслух, пожалуйста, я сама знаю. Но буду делать вид, что не знаю – сколько смогу.

– Катька! Ты как была с детства великим мастером несвоевременного звонка, так им и осталась. Когда я впервые в жизни напился, ты позвонила мне, чтобы узнать, сколько лет мы добирались бы до Юпитера, если бы поехали туда на троллейбусе.

– А ты спросил, с остановками будем ехать, или без, – говорит Кэт. – И я до сих пор об этом думаю. Так и не решила.

Голос брата нравится ей куда больше, чем неделю, месяц и даже год назад. Но задавать самый банальный в мире вопрос: «Как дела?» – все равно пока страшновато. Потому что Витька всегда говорит ей правду. И ничего кроме правды. И сейчас тоже скажет, можно не сомневаться.

– Когда я почти соблазнил девушку своей мечты, – продолжает брат, – ты позвонила, чтобы спросить, оставить ли мне кусок торта на утро, или я обойдусь. Анька тогда решила, что ты моя подружка, и передумала соблазняться – мне, между прочим, до сих пор обидно, имей это в виду! Когда мне навстречу из-за угла вышла целая стая малолетних гопников, ты позвонила – уж не знаю, зачем, поскольку эти юные дарования сразу поняли, что у меня есть как минимум одна ценная вещь – мобильник. И я до сих пор не понимаю, каким чудом от них удрал. Когда в Тае у меня началось дикое расстройство желудка от местной еды, ты трезвонила каж-

дые пять минут, разлучая меня с единственным по-настоящему близким в тот момент другом, чистым, прохладным и милосердным, как слеза Авалокитешвары. Когда я твердо решил умереть, ты позвонила с предложением скинуться на новый макбук для мамы, и мне пришлось восставать из уютного гроба, да еще и халтуру искать, не мог же я взвалить все расходы на твои плечи. И вот теперь, когда я почти понял, как должен падать этот чертов луч, ты выскакиваешь из телефона, как чертик из коробочки. И сбиваешь меня с панталыку. У меня был такой прекрасный панталык, дубина ты стоеросовая. Приезжай, с меня сто щелобанов. Все до единого твои.

– Нарываешься, – смеется Кэт. – Вот возьму и приеду. Брошу все на целых два долгих дня и приеду к тебе – а где ты сейчас, собственно?

– На границе между светом и тенью, – совершенно серьезно отвечает брат. – Будет круто, если ты приедешь. Хочу тебе кое-что показать. По-моему, я наконец-то стал писать как надо. Ладно, почти как надо. Но это хорошее «почти». Школярское такое «почти», когда не хватает только умения, а с сердцем все в порядке, оно уже там, где ему положено быть. Сидит и ждет весь остальной организм. Очень я такие штуки люблю. Приезжай, Катька, правда. У тебя же бывают выходные? И самолеты летают. Сфотографируешь мне облака, вид сверху? Я одну штуку про свет хочу вспомнить, которую только на небесах показывают, а лететь прямо сейчас никуда

не могу. Я даже кофе дня три уже не варил, некогда.

– Вот прямо сейчас тогда свари, – строго говорит Кэт. – Без кофе художнику никак нельзя. Какая ж ты, к свиньям собачьим, богема, если даже кофе не пьешь? Неаккуратненько получается!

– Твоя правда, – соглашается Витька. – Сварю. И потом еще раз сварю, когда приедешь. Покупай билет и сразу звони. Наверняка разбудишь меня, или хотя бы в душе застанешь. Все как мы любим. Жду.

* * *

– Слушай, а про меня ты тоже всем врешь? – спрашивает Бо, укладывая в багажник Кэтин дорожный рюкзак.

– Ну что ты. Сообщаю сухие, неоднократно проверенные факты. Что ты, во-первых, математический гений – а если местами пока непризнанный, так это совершенно нормально, человечество у нас старательное, но туповатое, как бесталаный троечник. Через пару-тройку лет небось сообразит, что к чему. А во-вторых, ты так велик, что варишь суп том-ям лучше, чем сами тайцы. А в-третьих, я тебя очень люблю. И поэтому, в-четвертых, все остальное вообще не важно... И заруби на носу: я всегда говорю только правду – о тебе и вообще обо всем на свете. Поехали!

– Такую специальную интересную правду, которая тебе нравится, – улыбается Бо, поворачивая ключ в замке зажи-

гания.

– Ну да. Я что, совсем дура – из всего многообразия правд выбирать самую неприятную? Да еще и вслух ее всем пересказывать. Нет уж!

– Удивительно, собственно, не то, что ты приукрашиваешь действительность. А что она тебя слушается. И все становится по слову твоему. Даже за мной сейчас Сансаныч бежит, уговаривает вернуться в науку. Из которой он же меня и попер в свое время. Извинился, между прочим, чего за ним отродясь не водилось. Говорит, только сейчас начал понимать мой подход к теме. И хочет помогать.

– Ну и дела! И чего ты решил? – восхищенно спрашивает Кэт.

– Пока ничего. Думаю. Что-нибудь придумаю. Не важно. Важно, что все это скорее всего случилось из-за твоей болтовни про мою гениальность. После того как наша Анна Петровна рванула в Индию, я в этом почти не сомневаюсь.

– Думаешь, я ее заколдовала? – смеется Кэт. – И тебя, и твоего Сансаныча? И Витьку заодно? Нееетушки! Я просто сразу все правильно про вас поняла. И высказала свою версию вслух – ну так я вообще не молчунья, ты знаешь. Видно же было, что Анна Петровна изводится от безделья, и кухонные хлопоты на даче у сестры ее совсем не развлекают. И весь этот Жюль Верн на полках наводил на определенные мысли на ее счет. Мало ли, что с виду она обычная бодрая московская старуха, икона стиля Черкизовского рынка. Ко-

гда хочешь разобраться в человеке, любимые книги гораздо важнее возраста, одежды и даже биографии. И что ты у нас вполне себе гений, это тоже совершенно очевидно – хорошо, что не только мне. И что Витька будет рисовать, пока жив, а все эти его кризисы – подумаешь, кризисы, дело житейское. Художник считает, будто все кончено, а на самом деле та его часть, которая ответственна за художества, просто легла поспать, ей иногда тоже надо перевести дух... И шефа нашего я, кстати, тоже сразу раскусила. Все вокруг говорили: педант, зануда, злобный перфекционист, кара небесная и прочий ужас на крыльях ночи. А я подозревала, что рано или поздно Льву Евгеньевичу надоест ломать комедию и прикидываться вредным, вечно надутым начальником. Не может же он на самом деле им быть. Слишком мелко для чувака с таким прошлым. А теперь ребята говорят, что Крамского подменили инопланетяне – лишь бы только не передумали и не вернули обратно на землю. Но на самом деле он такой и есть, как сейчас. Некого возвращать.

– Звучит разумно, – соглашается Бо. – Но со стороны, хоть ты тресни, кажется, что все это происходит из-за тебя.

– На самом деле из-за меня, наверное, тоже, – смущенно говорит Кэт. – Совсем немножко из-за меня. Мне кажется, Бог, Мироздание – да как ни назови ту силу, которая управляет всеми нашими делами – Он... Она... Оно совсем не злое. Не то чтобы вот прям доброе-доброе, но все-таки скорее friendly, чем нет. Просто довольно равнодушно к де-

талям. С глобальными процессами Ему все более-менее понятно, а за мелочами поди уследи, даже если ты само и есть все эти мелочи. То есть, в том числе – и они. Поэтому в неопределенных ситуациях – а вся наша жизнь и есть сплошная неопределенная ситуация – иногда достаточно легкого намека: а если, например, все будет как-нибудь так? И Мироздание довольно, не надо больше париться, выбирать, какая вероятность осуществится. Сами уже все выбрали, идем дальше. И мы идем.

– Едем, – педантично поправляет ее Бо. – Вот прямо сейчас – едем.

Неполный¹ перечень безымянных² существ

Это существо появляется на берегу по утрам; некоторые очевидцы утверждают, что оно выползает на берег из окрестных зарослей, их оппоненты настаивают, что стремительно выскакивает.

По поводу внешнего вида этого существа тоже ведутся споры. Одни говорят, будто тело его огромное и огненное, другие – что оно сравнительно небольшое, плотное, почти прозрачное, с сизо-синим отливом, третьи описывают его как совокупность мельтешащих пузырей, золотых и дымных, вперемешку, четвертые смеются над беспомощными попытками остальных описать нечто невидимое глазу. Все сходятся лишь в одном: в том месте, где у остальных зверей хвост, у него – солнце.

* * *

С виду это существо похоже на черную корову, которая

¹ Любопытный – неполный. Это знает всякий, кто хотя бы раз делал полную инвентаризацию чего бы то ни было.

² Не удивлюсь, если имена у этих существ все-таки есть. Но мне не удалось их вызнать.

всегда пасется в тени. По правде сказать, оно до такой степени похоже на черную корову, что вполне может оказаться просто черной коровой.

Но если внимательно приглядеться, можно заметить, что корова поедает не траву, а окружающую тень.

* * *

Тело этого существа – сгущенная тьма, которая всегда образуется между двумя светильниками, удаленными один от другого на сравнительно небольшое, но достаточное для возникновения тьмы расстояние. Таким образом, описываемое существо всегда имеет трех родителей: у него одна мать тьма и два отца светильника.

От матери оно унаследовало ласковый нрав, от отцов – прямоту, граничащую с безжалостностью. Всякий, кто разглядит его, будет охвачен ужасом, как и положено человеку при встрече с существом иной природы. Тот же, кто, преодолев ужас, решится протянуть руку и погладить неведомое, ощутит, что бок у него тугой, прохладный и шелковистый.

В благодарность за ласку существо подарит отважному путнику способность при любых обстоятельствах бестрепетно встречаться с его матерью; некоторые исследователи считают, будто этот дар останется у человека навсегда, но большинство сходится на том, что лишь до новой луны.

* * *

Обычно это существо выглядит как мусорная куча. Однако при встрече с любопытным путником оно развлечения ради может принять вид большой собаки, пестрого теленка, мужчины в синей рубашке – да чего угодно, фантазия его неиссякаема.

Любопытный путник уходит, трепеща, и думает потом, будто познал тайную сторону вещей.

Излишне говорить, что на самом деле ни мусорная куча, ни собака с теленком, ни мужчина в синей рубашке не имеют решительно никакого сходства с подлинным обликом существа, который, впрочем, еще никому не был явлен.

* * *

Это (скорее всего) невидимое существо любит гулять по малолюдным песчаным пляжам и оставлять там разнообразные следы, способные обескуражить внимательного наблюдателя.

Выглядит это примерно так: крупные следы босых ног взрослого человека внезапно сменяются следами ребенка, маленькими, но неправдоподобно глубокими, как будто оставивший их малыш весил несколько центнеров. Несколь-

ко шагов спустя мы опять видим следы больших ног, то босых, то обутых в сандалии с ребристой подошвой, потом они как-то незаметно превращаются в собачьи, снова в маленькие детские, в следы женских туфель на каблуках-шпильках, в финале они вполне предсказуемо становятся следами коровьих копыт, которые уходят в море и там, наконец, обрываются.

* * *

Иногда по ночам это существо растягивает свое тонкое темное тело высоко над землей и, таким образом, подменяет собой небо для жителей целого города, если он не слишком велик.

Отличить его от подлинного неба довольно просто: звезд на теле существа всегда гораздо больше, и сияют они слишком ярко, чтобы быть настоящими.

В такие ночи люди чаще обычного задирают головы к небу, говорят друг другу: погляди, мы и забыли, как оно прекрасно! Иной внимательный наблюдатель может, конечно, заметить, что луна, пошедшая было на ущерб, вдруг снова стала полной, или, напротив, засияла тонким молодым месяцем. Озадаченно покачает головой, скажет себе: наверное, я что-то перепутал. И махнет рукой.

И только юный астроном-любитель, именно в эту ночь собравшийся потрясти свою девушку умением находить со-

звездие Ориона и обе Медведицы, может заметить подмену и забить тревогу. Но кто станет его слушать.

* * *

Долго и обстоятельно исследовав природу этого существа, мы по-прежнему ничего не можем сказать о его теле. Возможно, оно есть, и в этом случае мы можем лишь предполагать, невидимо ли оно человеческому глазу, или, напротив, видимо, но при этом выглядит как нечто привычное и обыденное – дерево, камень, одинокая сандалия с порванным ремешком. Возможно же, звуки которые производит существо, являются его телом, а не деянием.

Так или иначе, но существо являет себя человеку именно как звук, точнее, совокупность звуков, источник которых нам никогда не удастся обнаружить. Чужая, незнакомая мелодия телефонного звонка у самого уха, грохот бьющейся посуды – при том, что все чашки и тарелки в доме целы, или их вовсе нет, громкий спор по-литовски на совершенно пустой улице индийского городка, мяуканье кошки в море, на более чем приличном расстоянии от берега. И так далее.

Если очень повезет, существо устроит для вас настоящий концерт. Например, пение под стук нескольких барабанов, которое вы будете с наслаждением слушать в полной уверенности, что это играет и поет пестрая компания молодежи, расположившаяся в паре десятков метров от вашего пляж-

ного коврика. Будете думать: вот ведь повезло с соседями. Будете думать: хоть бы они не устали, поиграли подольше! А когда, полчаса спустя, обернетесь, чтобы посмотреть на музыкантов, обнаружите, что никакой молодежи рядом с вами давным-давно нет. И вообще никого, только юная мамаша с загорелым младенцем, без единого барабана, такие дела.

Музыка после этого открытия сразу зазвучит гораздо тише, а вскоре и вовсе умолкнет: это существо не любит, когда его присутствие столь явно обнаруживается.

Ничего не говори

– Совершенно ужасный был одиннадцатый год, – говорит Танька. – Сперва все болели – мама, Соня, дед. Слава Богу, все выкарабкались. А Пяточкин наш все-таки умер в марте. Ты же помнишь Пяточкина? Самый лучший в мире был кот, до сих пор скучаю. Дурной пример заразителен, я сама тоже несколько месяцев пробежала по врачам и обследованиям. Это теперь понятно, что просто решили со здоровой коровы побольше бабла содрать, этакая гиппократова саечка за испуг, а тогда грешным делом думала – все, последнее лето в моей жизни настало! Голландец мой сладкий тут же быстренько упаковал вещички и дал деру в направлении такой же загадочной как моя, но менее проблемной русской души. Финт, достойный хорошо обученной корабельной крысы. Ясно, что все к лучшему, но поначалу мне было совсем невесело. Невзирая на ясность. Смерть отменилась, а жизнь все равно рухнула, бывает, оказывается, и так. Тогда я решила: ладно, поеду зимовать куда-нибудь на юг, к морю, и гори все огнем. Благо начальство согласно отпустить меня на удаленку, а остальным клиентам и подавно все равно, где я свою разнесчастные балансы. И тут – тадам! – реальность наносит последний сокрушительный удар. На юге у моря у нас, оказывается, зимует мама. Ей надо, она так решила и уже купила билеты в Таиланд. А в питерской квартире пока

поживу я, если уж все равно договорилась об удаленке. При-
смотрю за рыбками и к деду буду время от времени заезжать
– вот как она здорово придумала.

– И я, представляешь, согласилась, – говорит Танька. –
Что совершенно необъяснимо. Ситуация на самом деле со-
всем не безвыходная, вполне можно было взвалить деда с
рыбами на Надьмихалну, или на ту же Соньку. Но я даже не
стала предлагать альтернативные варианты. Почти обрадо-
валась, что все решилось само, без меня. Подумала: интерес-
но же будет снова пожить в Питере. То ли забыла, как плохо
мне там всегда становилось зимой, то ли не забыла, а реши-
ла: «Чем хуже, тем лучше». Не знаю. Трудно сейчас свою то-
гдашнюю логику понять. Могу сказать только, что это была
чудовищная глупость.

– Ну ты только прикинь, – говорит Танька. – Все и так
плохо, а тут еще зимовка в Питере. В этой дурацкой само-
разрушающейся, всеми ветрами продуваемой – зато-на-Пет-
роградке! – квартире. Вместо теплого Пяточкина глупые ры-
бы за стеклом, вместо разъехавшихся и поумиравших друзей
юности бесконечный фейсбук, по уши закопавшаяся в се-
мейную жизнь сестра, да дряхлый дед на другом конце горо-
да. Единственное каждодневное развлечение – давным-дав-
но надоевшая работа ради пропитания. Короче. Примерно
за неделю до Нового года я перестала всерьез размышлять о
самоубийстве. Но только потому что оно стало казаться мне
слишком хлопотным делом. И если бы не Боб... Нет, пожа-

луйста, ничего не говори. Я знаю. Все знаю.

* * *

Шел по улице Бармалеева, недоумевая: что я здесь забыл? И, если уж на то пошло, как меня вообще занесло на Петроградку? В половине двенадцатого ночи, в декабре месяце. Зачем? Для сентиментальной прогулки, прямо скажем, холодновато. Ну и вообще, мало ли, кто где раньше жил.

Думал: самое идиотское, что я вообще на хрен не помню, как сюда добирался. На метро, с пересадками, а потом пешком? Или взял такси? На фоне этого простого вопроса философское «зачем» как-то утрачивает актуальность. И какой, интересно, смысл столько лет оставаться трезвым, если реальность все равно то и дело разваливается на куски, из которых во все стороны как гнилые нитки торчат обрывки причинно-следственных связей, не способные соединить в логическую последовательность даже два простых эпизода: вечернее чаепитие дома, на набережной Смоленки и прогулку по улице Бармалеева.

«Какой смысл оставаться трезвым» – это был риторический вопрос. Совершенно не собирался развязывать. И уж точно не вот прямо сейчас, когда все давным-давно закрыто – по крайней мере в обозримом пространстве. Да и денег с собой, кажется, нет.

Обшарив карманы, обнаружил: и телефона нет тоже. Вот

это номер! Такси теперь не вызовешь, а на частных надежды мало, на проезжей части пусто, как будто автомобили еще не изобрели. Хоть балы там устраивай. Похоже, домой придется топать пешочком. В минус – что у нас тут сейчас за минус? Хрен его, честно говоря, знает. Но совершенно точно не плюс.

И когда увидел свет в окнах квартиры на четвертом этаже, сперва подумал только: «О! Вот кого можно попросить вызвать такси!» А уже потом: «Ну надо же, это, что ли, Танька дома?» И тут же обругал себя: «Хрен тебе Танька, она уже давным-давно уехала. Это в лучшем случае Аннапална. А скорее всего просто новые жильцы».

Но кстати, имеет смысл проверить. Потому что Аннапална – это вполне себе спасение. Наверняка она меня помнит. И разрешит позвонить, вызвать такси. А там уже выкручусь, договорюсь с водителем, чтобы подождал, пока я зайду домой за деньгами. Обычно соглашаются, куда им деваться.

А все равно, еще поднимаясь по лестнице, совершенно точно знал, что дверь ему откроет не Аннапална, а Танька. И, окрыленный предчувствием, помчался наверх, перепрыгивая через ступеньки. Хотя казалось бы – ну, Танька. И что с того. Сколько лет прекрасно без нее обходился, почти не вспоминал.

Подумав об этом, побежал еще быстрее. Никакой логики.

Дверь сперва долго не открывали, наконец женский голос

неуверенно спросил:

– Это кто?

– Как бы на самом деле я.

Дурацкая шутка родом из их общей юности, лучший в мире пароль.

– Ой, – изумился голос. И защелкали замки.

– Ой, – повторила Танька. – Бобочка. Собственной персоной. Вот это номер!

Сказал:

– Понятия не имел, что ты в Питере. И вдруг иду мимо, а в ваших окнах свет. Подумал, а вот возьму и зайду. На удачу.

– Свет в окнах? – изумленно переспросила Танька. – Вообще-то у меня только над аквариумом лампа горит. Наверное, ты просто этаж перепутал. И правильно сделал: я-то действительно дома, хоть и в потемках сижу. Ужасно тебе рада. Заходи.

Зашел в темную прихожую. Танька, немного помедлив, сообразила, что гость ничего не видит, и щелкнула выключателем. Недовольно зажмурилась, потом приоткрыла один глаз. Сказала:

– Жуть какие у мамы отвратные лампочки. Надо бы купить новых и все поменять. Тут много чего надо сделать, да руки не доходят. И не факт, что ей понравятся перемены. Утешаюсь тем, что терпеть осталось всего три месяца. Ладно, с половиной. Но все-таки не десять лет.

– Почему терпеть?

Танька только рукой махнула. Дескать, все это неинтересно. Но все-таки объяснила:

– Матушка в Тай укатила зимовать, представляешь? Я вообще-то сама туда собиралась, но она меня опередила. Ладно, ей и правда нужнее. Всю весну по больницам моталась, пусть греется теперь. А я тут ее рыб караулю. И деда навещаю; слава Богу, ему хоть воду менять не надо. Выгляжу ужасно, да?

Согласился:

– Неважно. Но это ерунда, видывал я и похуже.

– Не сомневаюсь, – усмехнулась Танька. – Учитывая твой стаж работы на «скорой»... Ничего, на самом деле я белая и пушистая. И вообще в полном порядке. Это чертов Питер на меня так действует. Нельзя мне сюда больше чем на неделю приезжать. Голову уже знаешь сколько не мыла? Дней десять. И не потому что тут нет горячей воды. Она есть. Просто мне пофиг. И сил нет ни на что. Но чаю я тебе все равно заварю. Он у меня хороший. Великий и британский.

Прошел за ней на кухню, где горела маленькая лампа над плитой. Стол был заставлен грязными чашками и завален бумажными пакетами. В мойке громоздилась гора немытой посуды. На жестком диване лежали смятая подушка и пестрый комок пледов, можно было догадаться, что хозяйка ночует прямо тут. По крайней мере в те дни, когда ленится идти в спальню.

– Чудовищное свинство я тут развела, – вздохнула Танька, разжигая огонь под чайником. – Пока одна была, вроде, нормально. А теперь даже стыдно как-то. Хотя бывали мы с тобой в переделках и похуже, чем какая-то грязная кухня.

Улыбнулся. Обнял ее крепко-крепко. Еще на пороге хотел это сделать, но почему-то постеснялся. Столько лет не виделись, просто отвык – не только от Таньки, но даже от самой идеи, что она существует. Сказал:

– Ты моя лучшая в мире дружища. Как же я рад, что рискнул зайти! А теперь давай мне чай и садись на диван. Все остальное я сделаю сам.

– Вот и хорошо, – флегматично кивнула она. – Ужасно лень со всем этим возиться.

Пока закипала вода, успел отыскать и вымыть заварочный чайник и несколько чашек. Пока заваривался чай, смел все со стола. Посуду в мойку, пакеты в мусорное ведро, вместе с содержимым, отчасти заплесневевшим, отчасти просто окаменевшим. Протер стол мокрой тряпкой. И еще раз. И еще. После четвертого подхода стол оказался вполне пригоден для чаепития.

– В холодильнике есть конфеты, – сказала Танька. – Халва в шоколаде. Я их купила, а потом забыла. И правильно сделала, по крайней мере есть, чем тебя угостить. Достань.

Достал. Разлил чай по чашкам. Сел рядом с Танькой. Обнял ее за плечи. Спросил:

– Слушай, а почему мы вообще потерялись? Я не помню.

И не понимаю теперь совершенно.

— Я тоже не понимаю, — вздохнула она. — Ну, просто я уехала — это раз. А ты бухал тогда сильно, я тебя таким видеть не могла. Поэтому даже не попрощалась по-человечески. Потом звонила тебе домой бесконечно, ты трубку не брал. Наконец ответили какие-то люди, сказали, ты продал квартиру и уехал. Я еще какое-то время рыпалась, расспрашивала всех наших, но они такое рассказывали, что я перестала. Решила, ничего не хочу о тебе знать, лучше уж сама что-нибудь сочиню. Получается, зря. Прости, Бобчик. Все это очень понятно и по-человечески, но применительно к нам совершенно необъяснимо. Ты же всегда был мой лучший друг. И до сих пор есть.

Улыбнулся:

— Да ну, что тут необъяснимого. Нормально все, не бери в голову. Я и сам себя тогда потерял. Зато теперь нашелся. И пригодился, да?

— Ты только вот чего, — строго сказала Танька. — Даже не думай, будто у меня что-то там ужасное случилось. Ничего особенного не случилось. Просто нормальная человеческая хандра. Год, и правда, тяжелый был, но в итоге все более-менее обошлось. Кроме котика. Пяточкин мой умер весной, представляешь? Но ему уже почти двадцать лет было, так что тоже, в общем, нормально. Дело житейское. Просто я дурака сваляла, нельзя мне было оставаться зимовать в Питере.

— Ничего, ничего. На самом деле можно. Со мной-то!

— Ну разве что с тобой, — вяло согласилась Танька. — Слушай, что-то я носом клюю совсем. Учти, это не потому что мне скучно. У меня бессонница какая-то дурная в последнее время. Пару часов подремлю и снова подскакиваю, неизвестно зачем. И соображаю все хуже, и сил ни на что нет, а все равно не сплю. Как будто война, бомбежки, и надо быть готовой в любой момент подхватываться и бежать. Видишь, даже по дому в пуховике хожу. Вроде бы потому что теплый и гораздо удобней халата. А на самом деле, чтобы быть наготове. Совсем чокнулась... Но вот чаю с тобой выпила и расслабилась. Могу отрубиться буквально в любой момент. И слушай, как же это обидно! Ты знаешь что? Ты, если тебя где-нибудь ждут, иди. А если не ждут, оставайся тут, ладно? Спальных мест в этом доме больше, чем нас. И еда какая-то в холодильнике есть. И чай. Чая еще много...

И действительно, уснула, не договорив. Да так крепко, что не проснулась даже когда отнес ее в спальню и уложил в кровать. А сам вернулся на кухню и засучил рукава. По своему опыту знал, что порядок, внезапно возникший на месте запущенного бардака — не самое лучшее в мире лекарство от выгрызающей сердце тоски. Но очень неплохое. Как будто вместе с бардаком закончился тяжелый отрезок жизни, в ходе которого ты его развел. И можно начать все заново. С ослепительно чистого абсолютного нуля.

Ну и самому лучше быть при деле сейчас, когда начал вспоминать, как оказался на Петроградке.

Пока оттирал заляпанный растительным маслом и свечным парафином подоконник, говорил себе: «Не надо об этом думать. Мне нужна ясная голова, а не буря в полутора литрах внутричерепного гоголь-моголя. Совершенно не важно, откуда я тут взялся, как среди ночи попал на улицу Бармалева. Важно, что это случилось очень вовремя. И что еще важно, так это вернуться сюда завтра вечером. Хотя бы завтра, а дальше – как повезет».

* * *

– Вот просто пришел среди ночи, – говорит Танька. – Без звонка, как будто заранее договорились. Я сперва перепугалась по старой привычке, в полночь без предупреждения никого кроме ментов как-то не ждешь. А они – нежеланные гости, даже если единственное преступление, какое можешь за собой припомнить, переход улицы на желтый свет. Потом подумала: а вдруг это воры проверяют, есть ли кто дома? Решила, надо подать голос, но не открывать. Спрашиваю: «Кто там?» – и вдруг в ответ: «Как бы на самом деле я». Мы с Бобкой так в юности шутили, даже не помню, кто из нас первым придумал. Ай, не важно. Вместе придумали. Мы тогда все делали вместе.

– Представляешь, – говорит Танька, – вместо того чтобы наброситься на него и всю ночь пытаться, как там и что, я просто отрубилась. Расслабилась на радостях – кажется, во-

обще впервые за весь год. Проснулась утром в матушкиной спальне, подумала: «Надо же, Бобка приснился». А потом вышла на кухню, и поняла, что гость у меня был наяву. Потому что такой идеальный порядок лично я даже в лунатическом припадке не наведу. А Бобушка в этом смысле настоящий монстр. Какая у него дома была чистота! Не в каждой девичьей горенке такой порядок. Он же чуть ли не с восемнадцати лет один жил, с тех пор как мать умерла. И вечеринки, конечно, нон-стоп, я сама, было время, из его квартиры неделями не вылезала. А все равно каждое утро в доме снова идеальный порядок. Бобка как-то, практически не приходя в сознание, умудрялся все вымыть и расставить по местам. И ботинки у него в любую погоду оставались идеально чистыми, и на штанах ни пятнышка. Как ему это удавалось? Не понимаю.

И кухня моя тем утром сверкала, хоть в журнал по домоводству ее фотографируй в качестве недостижимого идеального образца, – говорит Танька. – И гостиная тоже, и коридор. Причем коридор сверкал не только от чистоты. Бобка нашел на антресолях мамину коробку с елочными гирляндами и развесил их под потолком. Хорошая сотня лампочек, и все мигают, как на старой доброй школьной дискотеке, представляешь? Я сперва вообще не поняла, что происходит. А потом ничего, опознала эти фонарики, сообразила, откуда они взялись. И наконец-то вспомнила, что скоро Новый год. Всего неделя до него осталась, действительно. И как-то

неуместно обрадовалась – ура, этот сраный год заканчивается! Как будто от смены календарной даты внезапно, без дополнительных усилий изменится жизнь. Вообще ничего руками делать не надо, только сиди и жди.

И самое главное, – говорит Танька, – на кухонном столе лежала записка. Жутким Бобкиным докторским почерком, который без поллитры не разберешь. Но я обошлась всего двумястами граммами, в смысле, одной кружкой кофе. И прочитала: «Обязательно вернусь вечером, пожалуйста, будь». Эта формулировка: «пожалуйста, будь», – как-то неожиданно меня проняла. Словно не просто просьба быть вечером дома, а глобальное пожелание бытия. Я была так потрясена, что решила попробовать «быть». В смысле, существовать хоть немного осмысленней, чем в последние месяцы. И для начала вымыла голову, чтобы не портить своим жутким видом внезапно наступившую предпраздничную красоту. А потом высушилась, оделась и пошла за мандаринами. Купила пять кило. Но к вечеру, к Бобкиному приходу, от них осталось в лучшем случае два. Куда-то незаметно делись, пока я работала. А руки мои пропахли цитрусовой кожурой, я тогда думала, навсегда. Меня бы, кстати, устроило.

* * *

На звонок пришлось нажимать носом, потому что руки были заняты пакетами. Счастье, что замок в подъезде

сломан, и дверь достаточно толкнуть плечом. То есть, по большому счету, это, конечно, непорядок, с которым надо бы разобраться. Но вчера отсутствие замка оказалось очень кстати. А уж сегодня, с пакетами – вообще нет слов. Совсем не хотелось ставить их на землю, в грязную жижу, которая даже не пыталась казаться снегом, сама понимала – дохлый номер, не пройдет.

Танька открыла дверь почти сразу. Явно хотела обнять, но при виде пакетов ужаснулась: «Ничего себе ты приволок!» – и посторонилась.

Улыбнулся:

– Это только кажется, что приволок. На самом деле там ничего нет. Ну, почти ничего. Смотри!

И кинул в нее один из пакетов, как гигантский волейбольный мяч. Танька азартно пискнула, но вместо того чтобы взять подачу, отбила. И содержимое горемычного мешка пролилось на старый паркет сверкающим серебристым дождем.

– Ой, – выдохнула Танька. – Дождики! Так много?

– Вот увидишь, когда начнем их развешивать, окажется, что мало. Но для начала сойдет. Как думаешь, чаю я заслужил?

– Заслужил – не то слово. Ты столько не выпьешь.

– Ничего, я старательный. И времени у меня вагон. До утра. А наступает оно сейчас, сама знаешь...

– В полдень!

– В одиннадцать. Но в общем, один черт.

Пили чай, сидя на кухонном диване, прижавшись друг к другу, как в старые, условно добрые времена, когда ощущали себя то единовластными повелителями мира, то невинными его жертвами, позиция эта сменялась порой по несколько раз на дню, неизменным оставалось одно: мир отдельно, и мы отдельно, вдвоем против всех.

А может быть, не «против», а «вместо». Потому что на самом деле нет никого и ничего, кроме нас. Остальное – мерещится. Не в счет.

– Как будто вообще не расставались, – наконец сказала Танька. – Как будто просто длинный-длинный сон мне приснился, что уехала, а ты тут остался. Надо было нам, конечно, вдвоем подрываться. И не в Москву, а куда-нибудь подальше. Мы же хотели, помнишь?

Кивнул:

– Так бы и было, если бы я не бухал. А когда остановился, тебя уже след простыл. Хотя, при желании можно было отыскать. И почему я не стал этого делать, не понимаю до сих пор. Сам все испортил, дурак.

– А теперь сам все исправил.

– Лучше поздно, чем никогда?

– Именно. Особенно когда «поздно» – это так вовремя...

Слушай, а где ты собираешься развешивать все это мохнатое серебро?

– Для начала обмотаю им твои ужасные люстры. А там как пойдет.

* * *

– А на следующий вечер, – говорит Танька, – он приволок мне елку. Маленькую, полуметровую, в горшке. И потом полночи украшал ее мамиными шарами и шоколадными дед-морозами в цветной фольге. А меня посадил вырезать из бумаги снежинки. А потом клеить их на окна. Честное слово, как в детском саду! Но я уже ничему не удивлялась. Это же Бобка. Вот такой у него сейчас заскок – готовиться к Новому году. Не вопрос, будем готовиться. С ним даже это интересно. И вообще все что угодно, лишь бы с ним.

Нет, – говорит Танька. – Вот чего-чего, а романа у нас никогда не было. Хотя все думали, что был. Нас это устраивало. Обоих. По разным причинам, да. Но по большому счету, что нам те причины. Нас было двое во всем мире – Бобка и я. А остальные нам просто мерещились, так уж мы договорились. Такая идеальная детская дружба. Или даже не детская, а как во сне. Конечно, не бывает, я знаю. Но нам почему-то повезло.

«О чем дружили» – смешная формулировка, – говорит Танька. – И очень понятная. Мне нравится. А все-таки мы, понимаешь, дружили как бы «ни о чем». Друг о друге и против всех – не знаю, как лучше сказать. Просто мы оба бы-

ли такие прекрасные книжные дети. Конченные идеалисты. Это, как оказалось, даже подростковым нигилизмом не лечится. Его прикладывать – только хуже делать. Но мы, конечно, приложили. А потом смотрели вокруг и не понимали, что происходит. Почему люди ведут себя как животные? Где разум, где сердце? Сплошной хватательный рефлекс – даже у наших ровесников, о взрослых и говорить нечего. И откуда такая массовая страсть к мучительству? Даже школьные учителя выбирают себе жертвы среди учеников и с явным удовольствием их унижают. И среди всего этого откуда ни возьмись такие прекрасные мы. Прямо ссыльные ангелы. Бобчик, который пошел в мед, чтобы спасти людей. И я, такая фифа, уткнувшаяся носом в звезды. Если уж в космонавты нельзя, пойду в астрономы. Чтобы вообще ничего не видеть, кроме звезд! Конечно, мы держались друг за дружку изо всех сил – просто чтобы не пропасть. Сколько-то лет это работало, по крайней мере для меня. Бобчик сдался первым, но оно и понятно, ему гораздо тяжелей пришлось. Работа на «скорой», прямо скажем, не очень подходит для идеалистов. Потому что когда изо дня в день видишь, как твои коллеги экономят обезболивающие, слушаешь вой пациентов, на которых они так удачно сэкономили, и не имеешь возможности что-то изменить, ясно, что твоя капитуляция – просто вопрос времени. Но это я сейчас понимаю. А тогда просто видеть его пьяным не могла. Да и сейчас бы вряд ли смогла. Нет, он не становился буйным. И в отличие от многих даже

не очень глупел. Просто это был уже не Бобка. Какой-то чужой малознакомый человек. Подмена.

Конечно, я думала, что это предательство, – говорит Танька. – И конечно, не могла себе простить. Мы, идеалисты, в этом смысле более чем предсказуемый народ. Но Бобка сказал, все фигня. Никакое это не «предательство». Просто такая уж сраная была у нас жизнь. Неудивительно, что мы оба с нею не справились. Никто не виноват. Зато теперь вполне справляемся. Со второй попытки. Тоже вполне себе ничего результат.

* * *

Эти большие, мягким голубоватым светом сияющие шары увидел в каталоге IKEA еще осенью. И даже собирался купить, хотя прежде был равнодушен к новогодним украшениям. Но не сложилось.

Поэтому в первую же ночь, пока развешивал в Танькином коридоре старенькие елочные гирлянды, думал: «Вот бы подарить ей эти шары».

Казалось бы, чего проще.

Но принес их только вечером тридцатого декабря. Раньше почему-то не получилось. Зато сразу четыре упаковки – две в гостиную, одну в спальню, одну на кухню. Потрясающий вышел эффект. Скучная старая квартира немедленно превратилась в жилье юной наследницы Снежной королевы, толь-

ко-только приехавшей в Питер, к примеру, поступать в Институт Холода. Временное, съемное жилье, а все-таки ска-зочное – ровно настолько, чтобы быть возможным в услови-ях текущей реальности. Таньке тут еще жить.

– Эти бы фонарики да на машине времени в наше дет-ство, – вздохнула Танька. – Вместе с остальными игрушками.

Улыбнулся:

– Не имеет смысла. В детстве мы и так любили Новый год. И радовались ему так сильно, что сколько чудес ни добавь, обрадоваться больше все равно не получится, предел уже до-стигнут. А сейчас нам с тобой надо научиться радоваться за-ново – Новому году и вообще всему. Или хоть чему-то. Так что все эти прекрасные штуки очень своевременно появи-лись. И атакуют теперь наши очерствевшие сердца. Мое – вполне успешно. А твое?

– По крайней мере мое сердце успешно атакуешь ты, – сказала Танька. – В смысле, твоя манера готовиться к Ново-му году. Не за один вечер быстренько-быстренько все укра-сить и отвалиться, а каждый день что-нибудь добавлять. И праздник, таким образом, растягивается на целую неделю. Здорово!

Помолчав спросила:

– Слушай, а завтра-то ты придешь?

Чуть было не ответил честно: «Не знаю. Но очень на это надеюсь». Но конечно, вовремя прикусил язык и твердо ска-зал: «Да».

Потому что если не прийти сюда завтра, если оставить Таньку одну в новогоднюю ночь, вообще непонятно, зачем нужна вся эта затея. Нет. Не может такого быть.

Конечно, пришел. Причем заранее, часов в восемь. Не нарочно, но очень обрадовался, что так получилось. Теперь Таньке не придется весь вечер беспокоиться и гадать. Очень все-таки трудно, когда не можешь просто взять и позвонить.

А кстати, интересно, почему она до сих пор не спросила номер моего телефона? Ну не по рассеянности же, в самом деле. Или ждет, пока я сам скажу? Или?..

Да ну, нет. Какая ерунда.

И решительно нажал кнопку звонка.

Сидели прямо на полу, вернее, на вытертом ковре в гостиной, освещенной бледно-голубыми шарами и яркой аквариумной лампой, пили горячий яблочный сидр с гвоздикой и медом, смотрели, как скользят по стенам гигантские прозрачные тени рыб. Специально выключили не только телевизор и радио, но и компьютер, чтобы не следить за временем, растянуть наступление Нового года на несколько часов, а то и до самого утра, пока хватит сил. Но все равно, конечно, не смогли пропустить полночь: даже тихая, вечно безлюдная улица Бармалеева взорвалась в этот момент восторженными воплями и треском фейерверков. И тогда Танька сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.